

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

№2 (10) • 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические исследования

А. Б. Рыжков. Вопросы топонимики в общественном пространстве 1960-х гг.: на материале телепередачи «Литературный вторник»2

Е. П. Сизёнов. Ижора: проблемные вопросы происхождения гидронима и этнонима21

А. Ю. Алексеев. Станция метро «Купчино»: история процесса наименования29

Петербург

В. Ф. Андрейчева. Щемиловка и улицы бывшего села Фарфорового завода39

А. Д. Ерофеев. Названия малых водоёмов садов и парков Петербурга54

In memoriam

Е. Б. Белодубровский. Памятник строке поэта57

Сведения об авторах60

ВОПРОСЫ ТОПОНИМИКИ В ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ 1960-х гг.:

на материале телепередачи «Литературный вторник»

Имена мест — такие же памятники прошлого, как башни древних крепостей, краски старинных икон, черепица боярских теремов или деревянные мостовые Господина Великого Новгорода.

Л. В. Успенский.

«Записки старого петербуржца» (1970)

Идейно-порочная вылазка

4 января 1966 г. прошёл очередной (и последний) выпуск передачи «Литературный вторник» в прямом эфире Ленинградского телевидения. Выпуск был посвящён «русскому языку, русской речи, русскому слову», и достаточно большая часть обсуждения в нём оказалась связана с топонимикой. Ленинградские и московские писатели, языковеды, приглашённые в студию, высказывались и о сохранении и возможном возвращении старинных названий, и о том, какими принципами следует руководствоваться, давая названия новые. Передача буквально прогремела в общественном пространстве, и не только в Ленинграде (она шла и в эфир Центрального телевидения). Из-за остроты затронутых в ней вопросов, в том числе и по поводу возвращения исторических названий, из-за уникальной даже по меркам «оттепели» свободы обсуждения были сняты с должностей

тогдашний директор Ленинградского телевидения Борис Фирсов, бессменные редакторы и авторы «Литературного вторника» Ирина Муравьёва и Роза Копылова.

Сейчас, читая расшифровку того эфира, невозможно не поразиться, насколько полно были затронуты тогда практически все «больные» вопросы топонимики, по поводу которых ломаются копья и по сей день. Только участники нынешних дискуссий, похоже, далеко не всегда осведомлены о том, что в тогдашнюю эпоху победившего идеологического официоза в защиту культурных топонимических ценностей могли выступать не только кабинетные учёные, но и обычные граждане, чьи письма и обращения в изобилии цитировались в студии, и даже... старые большевики!

Вот что гласит выписка из протокола № 1 заседания Государственного комитета Совета Министров СССР по радиовещанию и теле-

видению от 7 и 8 января 1966 г.¹, проведённого, что называется, по горячим следам передачи.

[*Постановили:*]

Признать прошедшую 4 января с. г. по Центральному телевидению передачу Ленинградской студии телевидения «Литературный вторник» идейно порочной².

Достопамятную передачу вёл писатель, китаист, литературовед **Борис Вахтин** (1930–1981) — сын писательницы Веры Пановой. Он учился в Ленинградском университете, в 1957 г. закончил там аспирантуру, а в 1960-е гг. был одним из неформальных лидеров молодых ленинградских писателей, организовывал литературные выступления. Он также был постоянным ведущим телепередачи «Литературный вторник».

А вот кто из приглашённых в студию затрагивал в обсуждении топонимические вопросы:

Дмитрий Лихачёв (1906–1999), на тот момент — член-корреспондент АН СССР. Никогда не замыкавшийся в узкоспециальных вопросах русского языкознания, он всегда уделял огромное внимание сохранению и возрождению памятников культуры в самом широком смысле этого слова;

Лев Успенский (1900–1978) — писатель, журналист, много занимавшийся топонимическими вопросами. Ему принадлежат труды, популярно излагающие основы топонимики и языкознания — «Слово о словах», «Имя дома твоего», весьма неординарная биографически-крае-

¹ ГАРФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 866. Л. 1–4.

² Здесь и далее в документах выделено мною.— А. Р.

ведческая книга «Записки старого петербуржца». В 1960-е гг. он вёл также обсуждение различных вопросов, связанных с названиями городов и улиц, на страницах ленинградской печати.

Владимир Бушин (р. 1924) — москвич, литературный критик. Тогда он работал в журнале «Дружба народов» и вёл в столице топонимическую деятельность, сравнимую с аналогичной деятельностью Л. Успенского в Ленинграде. Его острые выступления в периодике, касающиеся наименований и переименований, привлекали внимание партийных идеологов ещё до выхода передачи.

Топонимика в прямом эфире

Полную расшифровку записи нашумевшей передачи Борис Фирсов приводит в своей книге «Разномыслие в СССР. 1940-1960-е годы»³, вспоминая последние дни на посту руководителя Ленинградского телевидения.

Ознакомиться с текстом расшифровки⁴ весьма поучительно для того, чтобы затем обратиться к партийному «разбору полётов» и попытаться понять, за какие грехи программа была зачислена в разряд «идейно-порочных», и какую роль в этом сыграло «топонимическое свободомыслие» её участников. Здесь приводятся те фрагменты стенограммы, которые непосредственно затрагивают вопросы топонимики (к ним, конечно же, не сводилось обсуждение в целом).

³ Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР, 1940–1960-е годы. СПб., 2008. С. 437–440.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 866. Л. 6–54.

Передачу, идущую в прямом эфире на Ленинград и на Центральное телевидение, начинает ведущий, Борис Вахтин.

Б. В. Дорогие друзья! Сегодняшний наш «Литературный вторник» посвящён русскому языку, русской речи, русскому слову. Мы собрались здесь сегодня не случайно. Вы знаете, конечно, прекрасно, что **несколько лет назад как бы внезапно, как бы неожиданно мы все обнаружили для себя заново нашу Родину. Началось это, пожалуй, с интереса к иконам, с интереса к старине.** Мы открыли для себя замечательную живопись, замечательную архитектуру, превосходящие памятники слова... На фоне этого интереса к нашей национальной культуре, вслед за ним появилось особое чувство — много статей было напечатано на эту тему — такое стремление сберечь нашу природу, сберечь реки, сберечь леса, сберечь птиц, сберечь животных в наших лесах, помнить, что мы здесь хозяева, которые свою соб-

ственную землю должны беречь — иначе она разрушится, иначе она придёт в запустение.

Тысячи молодых людей, энтузиастов устремились в самые разные места... они не очень даже хорошо, может быть, знают старину, но **тяга очень большая к этому...** Постепенно вот от такого интереса к материальной культуре мы переходим к тому, что, пожалуй, в культуре является важнейшим, т. е. к языку, к речи нашей. А здесь тоже далеко не всё благополучно.

Немного странно, казалось бы, звучит в социалистическом государстве напоминание о том, что мы — хозяева собственной земли! Однако вспомним десятилетиями прямо-таки официально насаждавшееся «обобществление», а в итоге — отчуждение именно от «мелкобуржуазного» чувства хозяина. Метили в «частников», а добились равнодушия к общественному достоянию. Даже краеведение как таковое тоже долгое время было подозрительным и гонимым. В эпоху идеологической унификации не принято было выпячивать культурные особенности тех или иных мест! Тем не менее, стоило идеологическому прессу немного ослабнуть, и сразу же проявилась та потребность, о которой говорит Борис Вахтин: желание отыскать корни, оборванные в предшествующую эпоху великих переломов. Это интересно молодым людям — и в области материальной культуры, и в области культуры языковой!

И как же это похоже на подобный всплеск интереса к памятникам, к истории, возникший в конце 1980-х гг.

Д. Лихачёв: ...И этим объясняется колоссальный успех книг о правильности и чистоте русской речи, различных книг, которые сейчас выходят. Их раскупают моментально, мгновенно.... Во Владивостоке и в Ленинграде говорят, в общем, на одном языке.... Правда, мы его недостаточно бережём... **мы не бережём язык в наименованиях. У нас очень много переименовывается. Причём, я уже не говорю о том, что менять старые традиционные названия — это нехорошо, потому что мы как-то разрываем с традициями. Эти названия наших улиц, площадей, городов часто встречаются в литературных произведениях, и потом нужно гадать, о каком городе, о какой площади идёт речь в этом литературном произведении, искать, какой-то устраивать перевод в путеводителе.**

Но дело и в том, как мы переименовываем, просто иногда неграмотно, неудачно. Я бы хотел привести два примера. Так сказать, немножко забегаю вперёд, но всё-таки сказать о том, что переименования, такие как Петергоф и Петродворец,— это переименования плохие с точки зрения русского языка, потому что как вы назовёте дворцы? Петродворецкие дворцы? Получается какая-то тавтология.

У нас теперь Петрокрепость. Вместо Шлиссельбурга. А как вы назовете жителей Петрокрепости — петрокрепостники?

...Так что это неудачно и с этой точки зрения. **С точки зрения сбережения нашего языка.**

...Мы должны сказать, что **самый читающий народ мира может быть назван одновременно и самым беззаботным народом в отношении своего прошлого.** Мы этого не бережём, к несчастью.

Усилиями Владимира Бушина, поддержанного Львом Успенским, обсуждение твёрдо встало на топонимические рельсы. Забегая вперёд, следует отметить, что наибольшее раздражение среди партийных чиновников вызвало именно выступление московского литератора.

В. Бушин. Это вам я тоже и хочу сказать — о старых названиях и о новых названиях. Я хочу продолжить некоторые мысли ваши, Дмитрий Сергеевич, и твои, Володя. Тот конкретный пример обеднения русского языка, который ты привёл, он, к сожалению, отнюдь не единичен. **Обеднение нашего языка происходит и из-за того, что на протяжении вот уже многих десятилетий с большим рвением искореняются старинные, колоритные, поэтические названия городов и улиц. Делается это бесхозяйственно, безответственно, а главное, без всякой на то нужды.** Мне довелось в конце октября

прошлого года в «Литературной газете» опубликовать статью «Кому мешал Тёплый переулок». Статья вызвала многочисленные и весьма заинтересованные отклики читателей.

Владимир Бушин, как и почти все участвовавшие в передаче, ни тогда, ни позже диссидентом не был, и возможно, искренне не понимал, для чего в действительности власть искореняла старинные названия. Напротив, те, кто смотрели передачу из высоких московских кабинетов, понимали это прекрасно и расценили приведённые им многочисленные примеры сознательного уничтожения памятников старины (не только топонимических!), как злобный антисоветский выпад...

Добавили масла в огонь и процитированные В. Бушиным письма читателей, горячо откликнувшихся на топонимическую тему.

Товарищ Куприяновский из Иванова пишет: «Чехарда с переименованиями — это не игра и не безвинное занятие. Нередко это проявление нигилизма и равнодушия к прошлому, к исторически сложившемуся укладу жизни. Это эгоистическое самоутверждение современников, которым нет дела ни до пращуров, ни до своих потомков».

Ленинградский инженер Добросердов пишет: «Родину, родную землю, стремятся выбить у меня из-под ног необдуманно переименованиями. Задумываются ли люди, заменяющие

устаревшие, по их мнению, названия новыми, о том, что наступит время, когда эти новые названия тоже станут старыми. И если следовать подобному правилу, они тоже будут переименованы. Что же после таких бесчисленных переименований останется исторического?»

Для Ленинграда этот вопрос звучал особенно актуально! Чуть более десятка лет минуло с того момента, как в 1954 г. безжалостно уничтожили сотню старинных имён городских улиц именно под предлогом их «устарелости», а на самом деле — ради сознательного унижения культурной самобытности Ленинграда. Исторические названия продолжали исчезать с карты города то тут, то там и в 1960-е гг. — новых улиц для топонимического увековечивания выдающихся личностей элементарно не хватало!

Профессор, доктор технических наук ленинградец Синевский пишет: «Только тем, что у мудрости есть пределы, а противоположность её безгранична, можно объяснить переименование таких городов, как Тверь, Вятка, Пермь, Нижний Новгород, Самара, — городов, стоявших у истоков русской истории».

История вернула на свои места почти все эти имена — Пермь утратила название Молотов уже к тому времени (1957); в конце 1980-х гг. вернулись Тверь (Кали-

нин), Нижний (Горький) и Самара (Куйбышев). Пока не везёт только древней Вятке...

Старый большевик Трофимов, тоже ленинградец (здесь письма, я старался, чтобы ленинградцы были), пишет: «Это переименование городов напоминает их раздачу. Помните, в исторической песне “Ой и делалось в Орде...”:

*Сидит там царь, Озвяг Таврунович,
Царь дарил городами стольными,
Василья — на Плессу,
Гордея — в Вологде,
Охромея — в Костроме.*

Но и он, добавляет товарищ Трофимов, **отдавая эти города на прокорм, не калечил их имён».**

Что ж, наблюдение старого большевика, как говорится,— не в бровь, а в самый глаз! Впрочем, и другие письма читателей, процитированные В. Бушиным, ничуть не слабее.

Кандидат наук ленинградец Каттархельд: **«Разве можно оправдать такое неуважительное отношение к русской истории, к её памятникам, с примерами которого во всё возрастающем количестве приходится сталкиваться, например, и ленинградцам. Чем можно оправдать предпринятые административными органами переименования в последние двадцать лет многих исторических, всемирно известных ленинградских пригородов, улиц,**

проведённые к тому же без участия широкой, в частности научной, общественности? Кто теперь ответит нам за варварское уничтожение в Москве Сухаревой башни или Храма Христа-Спасителя, который строился 42 года на народные деньги, был изукрашен известными художниками и посвящён был благороднейшей цели — победе над наполеоновским нашествием. Кто ответит нам за разрушения целого ряда неповторимых по своему облику старинных русских соборов и церквей в городах Поволжья и других вдохновенных деяний русского человека, стёртых с лица земли не рукою русского неприятеля, не ходом неумолимо бегущего времени, а рукою ретивых и, увы, безликих администраторов?»

Ленинградец не ограничивается топонимическими потерями в родном городе и естественно объединяет ценность названий-памятников с ценностью памятников материальных...

...Да, ленинградец тоже, доктор физико-математических наук Бабич рассказывает, что **вот в Пскове был мост. По легенде, будто бы в этом месте когда-то встретились Ольга и Игорь, и вот, по этой легенде, был там построен, в соответствии с легендой, мост, который назывался Ольгин мост.**

И вот в некий час псковский, значит, администратор огля-

дел своим недрёманным оком всю нашу страну и увидел, что на всю Россию Ольгин мост один. И он, конечно, перепугался. Он прежде всего живёт под девизом: «Вперёд не суйся и сзади не отставай!». Для него неприемлемо всё, что выходит за рамки привычного. Ну, и Ольгин мост называли мостом Красной Армии.

Но на этом не успокоились. Когда Красную Армию стали называть Советской Армией, мост соответственно назвали мостом Советской Армии, таким образом скрыв его имя под двойным напластованием.

На последующем партийном разборе это крамольное наблюдение удостоилось особого внимания. Подумать только: Владимир Бушин устами своего читателя покусился сразу на два священных принципа советской топонимической политики! Во-первых, не оценил «сакральное» значение советских переименований, в соответствии с которым никакая тысячелетняя история не имела ценности, если возникала необходимость лишней раз обозначить на местности какое-либо «освящённое» понятие новейшего времени — ведь мост был переименован к пятилетнему юбилею Красной Армии. Во-вторых, участник передачи в неподобающих выражениях упомянул вполне естественное для «топонимической стенгазеты» злободневное обновление названия!.. К счастью, имя Ольгинского моста в Пскове уже давно (1995) восстановлено.

Доцент Винницкого педагогического института товарищ Попов пишет: «Мне, как языковеду, особенно хочется подчеркнуть, что новые названия почти всегда хуже старых в чисто языковом отношении. Исконные названия восходят к глубокой древности. Они вживались в язык, вступали в словосочетания, обрастали производными от них словами, и их отмена не проходит безболезненно для языка, потому что такое искусственное вмешательство задевает целые гнёзда слов, рвёт живые языковые связи».

Профессор одного из московских институтов товарищ Лавров пишет: «Как хорошо бы начать кампанию за восстановление исторических красочных названий».

«Это подействовало бы отрезвляюще на любителей переименований», — подхватывает мысль его коллеги, доктор технических наук профессор Колосов.

Москвичка Морозова пишет: «В Москве должны быть площади Театральная, Кудринская, Калужская. Должны быть улицы Тверская, Поварская, Моховая, Остоженка, Пречистенка».

...Вот передо мной ещё одно письмо. Его заключительные строки таковы: «Считая, что прежнее название нашего города ничем не опорочено, а, наоборот, вошло в историю как принадлежащее городу с большим

революционным прошлым, мы, старые коммунисты-самарцы, выступаем за то, чтобы вернуть нашему городу его прежние имя Самара».

И под этим письмом 33 подписи старых коммунистов, в основном это члены партии с 17–20-х годов, а есть даже среди них член партии с 1904 года, и есть среди них член партии с 20-го года, Герой Советского Союза Конев.

Это был не прославленный маршал Иван Степанович Конев, а его тёзка, генерал-майор Иван Никитич Конев... Оказывается, по отношению к историческим названиям люди не делятся на коммунистов и антикоммунистов. Они делятся на тех, кто понимает собственную культурно-историческую ценность традиционного названия, богатство связанных с ним ассоциаций — и тех, для кого название всего лишь способ наглядной агитации, недорогого увековечивания... Пусть задумаются те противники исторических возвращений, которые загодя объявляют восстановление старинных имён «покушением на память» увековеченных или просто оскорблением всех ветеранов!

И мимо таких писем, мимо таких людей пройти спокойно и равнодушно нельзя. Причем, скажем, вот товарищи самарцы говорят, что от этого память Куйбышева вовсе не должна пострадать, они глубоко чтут память Куйбышева, многие с ним работали. Но есть иные

средства, иные способы для того, чтобы почтить память выдающегося деятеля. И не обязательно переименовывать города, иначе, как пишут многие, настанет такое время, когда на обширных, но, однако же, имеющих предел просторах нашего Отечества попросту не останется не переименованных городов, а люди, увы, будут по-прежнему умирать. И что же тогда начнётся? Начнётся новая волна переименований.

Л. Успенский. Второй круг.

Действительно, меняя название исторического места в честь конкретной, пусть даже многожды достойной персоны, переименователи совершенно не задумываются: что, если этот город или эту улицу когда-нибудь прославит какая либо персона, ещё более достойная и безупречная?

В этом и состоит один из парадоксов топонимического увековечивания: ставя целью сохранить «вечную память» о конкретном человеке, оно всегда злободневно. Не так уж редки случаи, когда спустя десятилетия сведения о таких «увековеченных» персонажах более чем затруднительно найти даже в архивах.

Между тем современники всегда искренне полагают, что та или иная фамилия, помещённая в название, настолько общеизвестна, что ни в каких пояснениях не нуждается. С другой стороны, случается и такое: появится впо-

следствии более знаменитый «однофамилец» и как бы перетягивает на себя увековечивающие ассоциации. Наглядные примеры тому — улица Жукова в Калининском районе Санкт-Петербурга, или шутка об улице «не того Бродского», гулявшая в Ленинграде до того, как ей вернули историческое название — *Михайловская* (1991).

Однако отношение к историческим названиям — не единственная актуальная проблема нашей практической топонимики. Не меньшее культурное, языковое значение имеет тот топонимический слой, который создаётся прямо сейчас, с чистого листа. Владимир Бушин не оставил без внимания и этот вопрос.

В. Б. ...И сейчас строится город под Москвой, под Серпуховом, — газета «Московская правда» объявила конкурс на лучшее название этому городу. Сама по себе идея вроде бы неплоха, только мне казалось, что нужно не конкурс проводить, а просто обсуждение деловое. **Ну вот подумайте, какие, так сказать, колоритные, какие своеобразные имена преобладают в этих предложениях: Крылатогорск, Лучезарный, Прогрессград, Славтруд, Светлогорск, Романтика, Радость, Весноград, Счастливый, Мечта.**

Нечему удивляться, что такие предложены слащавые...

Реплика. И безвкусовые.

В. Б. И безвкусовые, да, названия. Я думаю, что нечому

удивляться, потому что, ну что же вот, возьмите, скажем, поэт Евгений Долматовский с сожалением писал на страницах «Литературной газеты», что **нет в Москве улицы Радости, улицы Счастливой, улицы Юности. Я думаю, что, слава богу, что нет таких названий... потому что их именно сейчас хоть пруд пруди, везде и всюду. Или вот ещё взять пример. Есть такой, значит, кандидат филологических наук, эстетик, ленинградец товарищ Харчев. Ему не нравятся, скажем, такие названия, как Подлесное, Заречье, Луговая. В деревнях Тамбовской области — они носили действительно какие-то ужасные названия, и им дали вот такие имена. Ему это решительно не нравится. Он говорит: нравственное воздействие таких названий ничтожно. Что они могут сказать уму и сердцу людей? Ему не нравятся такие названия, как Междуреченск. Я думаю, что это достойное, простое, скромное имя.**

Реплика: Если город стоит между речек...

В. Б. Да, если он не между гор стоит, а между рек, то название вполне подходит. А ему это не нравится. **Что же он предлагает? Он предлагает такие давать названия: Трудославль, Вешнеград, Надежда, Разум. Представляете, Разум! Город Разум! Ведь его...**

Л. У. У нас Разум такая дыра...

Лев Успенский буквально одной этой фразой подписал приговор чрезмерному «топонимическому пафосу», который, к сожалению, популярен среди наших сограждан и в XXI в. Часто вспоминается гневное письмо в газету читательницы, которая протестовала против возвращения названия Малой Морской улицы, заявляя: **«Что такое Морские улицы — никто не знает! А Гоголь известен всему миру!»** Здесь, конечно, сказались те десятилетия, в течение которых любое название должно было пропагандировать, прославлять — и не только конкретных личностей, но и отвлечённые, абстрактные понятия...

Всё это в полной мере сказалось, и до сих пор сказывается на восприятии сравнительной ценности «простых», безыскусных имён и торжественных, выпендренных (не обязательно даже мемориальных). Люди подсознательно относятся топонимику к сверх-официальной, казённой сфере языка, и потому им зачастую кажется, что «простые» названия неуместны, а именовать надо исключительно пышно и «со значением». Предложения о наименовании воспринимаются как приглашение на некую высокую «топонимическую трибуну», с которой полагается говорить не обычным языком, а казёнными штампами и непременно с «высоким смыслом» и «нравственным воздействием». Вспомним, как персонаж Ильфа и Петрова вместо того, чтобы просто поздравить

земляков с запуском трамвая, полчаса говорил о международном положении...

Следующее важное замечание в телепередаче «Литературный вторник» напомнило внимательному слушателю, что в 1960-е гг., наряду с обострением интереса к русской старине и духовному наследию, в том числе религиозному, вновь усилились гонения на Церковь. Пусть и не в таких масштабах, как в 1920–30-е гг., но сносятся уцелевшие храмы, меняются названия...

В. Бушин проводит остроумную параллель между исторической топонимией и антропонимией:

С особым тщанием уничтожаются названия, имеющие, так сказать, религиозное происхождение. В Москве комиссию по переименованиям возглавляет секретарь исполкома Моссовета товарищ Пегов. Он печатно провозгласил намерения этой комиссии: истребить в Москве все улицы, напоминающие о церквях. Но если товарищ Пегов так боится всего лишь словесного напоминания о церквях, то ему, если он хочет быть последовательным, надо бы прежде завершить уничтожение в Москве самих церквей — Кремлевских соборов, Василия Блаженного, Новодевичьего монастыря, Андроникова. Потом ему следовало бы добиться принятия закона об обязательной смене фамилий религиозного происхождения, ибо людей с такими фамили-

ями несравненно больше, чем улиц с аналогичными названиями. Один Олег Попов чего стоит...

Но такая наглядная демонстрация абсурдности буквального восприятия «значения» имени человека или улицы, увы, не убеждает людей, заражённых вирусом «звериной серьёзности» и видящих пропаганду в каждом имени собственном. Это сразу подтвердил живым примером Лев Успенский, рассказавший, что ему уже на полном серьёзе предлагали сменить фамилию на менее «религиозную»!

И снова — возвращение к теме топонимики.

Л. У. ...А вот всё-таки то, что нас с вами ближе всего трогает и волнует топонимика, название мест,— это дело гораздо более существенное, и поэтому я, когда сейчас думаю о культуре русского языка, потому что я пишу, вернее, писал книгу на эту тему, я думал прежде всего о том, что делается в области уничтожения и невыявления потери огромного количества древнерусских имён. В 20-х годах один исследователь установил, что в Московской области свыше 1300 урочищ, речек не имеют никакого названия. Что значит, не имеют, то есть так они никогда и не имели? Нет, они, конечно, имели, и их знала какая-то очень небольшая группа людей, живущих на берегах этих малых речек и ручьёв.

Но они утрачены. Они нигде не зафиксированы, никто их не записал, и теперь их не узнают. К нынешнему времени количество этих речек возросло намного. **Забывают эти старые названия, им дают новые... А ведь старое-то название они могли сохранить. Сохранить чрезвычайно ценные для нас и, может быть, нигде, ни в каких других источниках не зафиксированные данные.** Ведь хорошо, что мы знаем, что город Льгов — это Олегов-град, вот того самого Олега Гориславича. Брянск — мы можем восстановить, что это Дебрянск, это город, окружённый дебрями, лесными дебрями... а сколько таких мест, которые были забыты и которые свидетельствовали о каких-нибудь стычках на московских рубежах с татарами, может быть, какой-то Татарский ручей, какой-нибудь Татарский брод...

Правда, далеко не всегда топонимисты и языковеды могут сходу сказать, каково действительное происхождение того или иного древнего названия. И всё же это не повод бездумно его уничтожать! Льву Успенскому довелось вступаться и за такие имена. В телепередаче он подробно рассказал историю с переименованием сибирского посёлка с оригинальным местным именем *Кия-Шалтырь* в шаблонный *Белогорск*, подробно обосновав ценность «стихийного» назва-

ния, а также разобрав мотивы переименователей (к счастью, оригинальное название станции железнодорожное ведомство сохранило).

Эта история затем вошла отдельной главой в книгу Л. В. Успенского «Имя дома твоего», которая для многих открыла дверь в мир топонимики. Посмотрите, как автор отмечает дополнительный аспект ценности «местных» названий — это живые свидетели огромного количества культурных влияний. Их отбрасывание под предлогом «нерусскости» и непонятности противоречит всей традиции русской топонимической и языковой цивилизации!

*...А ведь, кроме того, выясняется, что селькупы здесь ещё вмешались, это селькупское по происхождению, значит, **какая гроздь культурных влияний...** И вот одним ударом всё это упраздняется.*

Завершилась передача глубокой мыслью ведущего.

Б. Вахтин. *...С языком, с человеческой речью шутить нельзя, потому что словесная речь человека — это видимая, осязаемая связь, союзное звено между телом и духом.*

Точно так же имена городских улиц — это связующее звено между внешним обликом города и его неосязаемым уникальным духом, существование которого, тем не менее, представляется несомненным, особенно если речь идёт о Санкт-Петербурге...

Партия наносит ответный удар

Знакомясь с этой дискуссией, иногда думаешь, что её участники, увлечшись, в иной момент, возможно, забывали, какое «тысячелетие на дворе». Но им, как и организаторам передачи, об этом очень быстро напомнили.

Уже на следующий день после выхода в эфир в студию начали поступать письма телезрителей, ошеломлённых и обрадованных уровнем и свободой дискуссии, остротой и актуальностью высказанных участниками мыслей. Дискуссия не смогла бы состояться без самоотверженных и творческих людей, работавших в те годы на Ленинградском телевидении — и Борис Фирсов, Ирина Муравьёва, Роза Копылова были уволены после оперативного «разбора полётов», состоявшегося 7 и 8 января 1966 г. в Москве, на коллегии Комитета по радиовещанию и телевидению при Совмине СССР.

Читая расшифровку передачи, просто-напросто забываешь, что она состоялась больше полувека назад — настолько актуально звучат мысли её участ-

ников, настолько свободно идёт дискуссия, особенно по вопросам топонимики! Поэтому приходится то и дело напоминать, что даже для периода «оттепели», с точки зрения партийных идеологов, подобные выступления, да ещё в прямом телевизионном эфире, выглядели совершенно непозволительно...

Конечно, «крамольные» мысли высказывались участниками передачи не только по топонимическим вопросам. Приведём текст записки Отдела пропаганды и агитации, культуры, науки и учебных заведений ЦК КПСС от 16 февраля 1966 г.⁵

В ЦК КПСС, на Центральное телевидение поступили десятки писем в связи с передачей Ленинградского телевидения «Литературный вторник», транслировавшейся 4 января с. г. по системе Центрального телевидения. Авторы многих писем справедливо протестуют против допущенных в передаче грубых ошибок и неверных высказываний по проблемам развития русского языка, русской культуры и традиций.

Высказывая отдельные обоснованные замечания об увлечении некоторых местных советов переименованием улиц, населённых пунктов, участники передачи (писатели Л. Успенский, О. Волков, В. Солоухин, литературный критик В. Бушин, литерату-

веды и искусствоведы Б. Вахтин, В. Иванов, Д. Лихачёв, Л. Емельянов) заняли в целом неправильную тенденциозную позицию в освещении этих вопросов. Авторы программы «Литературный вторник» в развязном тоне потребовали вернуть прежние наименования городам Куйбышеву, Кирову, Калинин, Горькому, высмеивали такие общепринятые сокращения, как РСФСР, ВЦСПС, протестовали против наименования Ольгина моста в Пскове мостом Советской Армии.

Выступая за чистоту русского языка, они приводили в качестве его эталона произведения Пастернака, Белого, Мандельштама, Хлебникова, Булгакова, Солженицына, цитировали протопопа Аввакума, но при этом совершенно не упоминались имена Чехова, Горького, Маяковского, Шолохова. Участники передачи предложили — устраивать публичные концерты духовной музыки.

Назвав наш народ беззаботным в отношении своего прошлого, авторы передачи пытались создать ложное впечатление, что памятники старины в нашей стране якобы не сохраняются, в то же время ничего не было сказано о мероприятиях Советского государства по охране и реставрации памятников нашей культуры и революционной истории.

⁵ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 239. Л. 14–17.

Участники передачи игнорировали элементарную журналистскую этику, отступив от тезисов, утверждённых руководством телевидения в соответствии с существующими правилами. Этот факт использования телевидения в целях пропаганды субъективистских и ошибочных взглядов привёл к нежелательным последствиям. Неправильная позиция участников «Литературного вторника» нашла одобрение в ряде писем, поступивших на Ленинградское телевидение. Так, **гр. Степанов из Москвы пишет, что переименование Петрограда в Ленинград было ошибкой.** В другом письме, за подписью «Семейное общество», содержится призыв объявить сбор денег среди населения на реставрацию церквей. **Научные работники Института русского языка Академии наук СССР гг. Григорьев и Строганов считают варварством переименование Охотного ряда в проспект Маркса.**

Комитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР, обсудив передачу «Литературный вторник», освободил от работы директора Ленинградской студии телевидения т. Фирсова и главного редактора литературно-драматических программ т. Никитина, принял меры по укреплению дисциплины и повышению ответственности работников студии. Ленинградскому комитету по радиовещанию и те-

левидению поручено подготовить передачу, отражающую марксистско-ленинские взгляды на развитие русского языка и русской культуры.

Переводя эту записку с партийно-бюрократического языка на русский, можно понять, что передача ударила сразу по нескольким болевым точкам. Во-первых, неприемлемой сочли саму свободную форму живого общения в студии, название вещей своими именами было заклеено как «развязность». Во-вторых, содержание дискуссии без преувеличения шокировало поборников идеологической чистоты «марксистско-ленинских взглядов на язык и культуру». Наконец, в-третьих, крайне опасным выглядело дружное отступление участников от согласованных предварительно тезисов, то есть фактически неподцензурность публичного выступления по телевидению! В скором времени от этой сравнительно либеральной формы подготовки передач откажутся полностью, и согласовываться будут выступления целиком...

По сути, имелся и четвёртый повод для «быстрого партийного реагирования» — живые отклики телезрителей. Будучи ошеломлёнными увиденным и услышанным, они ведь, наверное, подумали: если такое произносится в прямом телеэфире, значит, это действительно **можно** обсуждать?!

Таким образом, не стоит удивляться последовавшим оргвы-

водам. Вспоминая эту историю, Б. М. Фирсов полагает, что первым поднял шум секретарь исполкома Моссовета А. М. Пегов, которому хорошо досталось в ходе передачи за московские переименования. По другой версии, в Комитет по радиовещанию и телевидению позвонил чуть ли не сам главный партийный идеолог — М. А. Суслов.

Тогдашний председатель комитета Н. Н. Месяцев, в общем, неплохо относился к Фирсову, которому и раньше периодически попадало за различные «вольности» в ленинградских телепередачах. Он позвонил в Ленинград и поинтересовался мнением Фирсова об идущей передаче, а затем предложил отключить её от трансляции на Центральном телевидении, оставив только местное вещание. Фирсов под каким-то предлогом отказался... Своё последующее изгнание с телевидения он воспринял даже с некоторым облегчением, сосредоточившись на научной деятельности в области социологии.

Весьма поучительно будет познакомиться непосредственно со стенограммой того самого двухдневного заседания коллегии Государственного комитета по радиовещанию и телевидению⁶, по итогам которого была составлена приведённая выше записка.

Вначале, как водится, заслушали «виновника» в лице Фирсова,

выступившего с разъяснениями по поводу подготовки и хода передачи, подбора участников. Он произнёс, в том числе, и достаточно дежурные фразы о своей ответственности, увы, коллегии не смягчившие. Выступавшие следом сразу же взяли быка за рога.

Филиппов. Я должен честно рассказать, как, в моём представлении, могла появиться на Ленинградской студии подобная передача, по существу, сомкнувшая фронт тех, которые ведут атаки на политику нашей партии по литературе и другим каналам. Я её оцениваю так. Здесь вопрос о том, как она готовилась. Я считаю, что правомерно, что студия взяла эту тему. Но объективно сложилось так, что подбор авторов был сугубо односторонним. И тот факт, что во главе подготовки оказался Вахтин, и тот факт, что в их рядах оказались Бушин и Волков и не оказались другие авторы, которые выступали в печати против засорения русского языка.

Я должен сказать, что в Ленинграде делалась попытка атаковать под видом защиты нашей старой культуры то, что утверждается.

Солоухин, выступавший в одной из предшествующих передач в развязной форме, несмотря на то, что ему было запрещено говорить на эту тему, тем

⁶ ГАРФ. Ф. Р-6903. Оп. 1. Д. 866. Л. 55–83.

не менее оказался здесь, в числе авторов. Правда, он ушёл в сторону от этих споров. Но никто другой, как Солоухин, подставил Бушина, **который говорил в ещё более развязной и аполитичной форме.**

У нас на телевидении стали увлекаться дискуссией. Причём на эти дискуссии мы пытались вытаскивать вопросы без твёрдо определённой цели, прежде всего на слушателя, т. е. телезрителя. Примерно такой же пример был с передачей «Горизонта», **где выступающие говорили, что хотели.** Мы, к сожалению, стали тащить на телевидение такие темы для дискуссий, которые нужно обсуждать в семейном кругу, в кругу писателей и т. д.

...Мы с Муравьёвой встречаемся не в первый раз. И то, что она оказалась у истоков, я хочу думать, что это случайно. Но факты — упрямая вещь. Книга Битова, которая была раскрытирована на съезде писателей, через некоторое время оказалась в эфире, и автором передачи была Муравьёва. Она должна была быть уже тогда уволена, потому что уже тогда за ней водились грешки.

Сама **Ирина Муравьёва** в своих заметках⁷ приводит такие перлы, прозвучавшие на том обсуждении в Москве, которые постеснялись даже включать в официальную стенограмму заседания:

«вы бы лучше подключили к каналам телевидения каналы-зационные трубы!» — или про пожилого уже писателя: **«...противкал Успенский».**

Трегубов. ...Семья Иванова была тесно связана с Пастернаком. И они всегда пытались пропагандировать творчество Пастернака. Я уверен, что любое иностранное агентство взяло бы эту передачу и пустило бы в эфир. Как поставлен вопрос о Хлебникове: это лучшее, что есть в русском языке. Посмотрите, как разделяются со всеми нами! **Как поставлен другой вопрос: в России всё разрушено, разрушены церкви, мост называли мостом Советской Армии.** Подумать только! Николай Николаевич Месяцев звонит в Ленинград, и правильно делает, а передача идёт. Это ведь реванш ленинградцев за выступление Егорычева, за Зоценко, **это реванш ленинградцев за всё!** Я не верю, что эти вещи заранее не были оговорены. Они не могли быть не оговорены.

Тов. Трегубов весьма энергично и сжато выразил обуревающие партийных идеологов чувства. Та критика, которая прозвучала в передаче по поводу засилья казённых штампов, равнодушия к историческому наследию, попала не в бровь, а в глаз.

Ну а слова о **«реванше ленинградцев за Зоценко и за всё»**,

⁷ Муравьёва И. А. Как нас отучали от правды // Нева. 1991. № 5. С. 158–171.

конечно, вызывают в памяти безобразную травлю, которой он подвергся не только в 1946 г., но и в 1954 г., отказавшись произнести какие-то стандартные формулы привычного всем «покаяния». Партийным чиновникам, колебавшимся строго с генеральной линией, не давало покоя неистребимое чувство собственного достоинства жителей города, сумевшего пережить голод Гражданской войны, сталинские чистки, блокаду, «Ленинградское дело». О том, как это чувство проявилось в ходе той передачи, можно видеть из её расшифровки, из процитированных писем. Приходится согласиться с наблюдательным тов. Трегубовым — это действительно был своеобразный реванш за всё!

Разумеется, партийный функционер не мог себе представить, что такое возможно не по «предварительному сговору».

Рапохин. Меня возмущает тот факт, что это всё может идти из Ленинграда... Это ярко выраженная политика, направленная против того, что сейчас проводится партией в литературе, искусстве и вообще в общественной жизни. Это диверсионная вылазка, вылазка злобных элементов, которые сговорились между собой, хихикают.

...И благодаря ротозейству некоторых товарищей на телевидении подобная вылазка выходит в эфир. Есть среди интеллигенции гнилые элементы, которые сидят на шее рабоче-

го класса, выливают на голову рабочему классу ведра грязи. И это им позволяет делать Ленинградское телевидение. Я думаю, что и познания русского языка в этой передаче на уровне первокурсника.

...Язык дискотирующих такой, что он отталкивает слушателей. Что касается истории, то здесь искажение фактов, которое понятно даже школьнику.

С точки зрения политики это — идейная вылазка, направленная против самих основ нашей идейно-политической жизни. Не Горький, не Шолохов, не Федин создавали и обогащали язык, а Замятин, Солженицын, Булгаков и т. д. Это значит забраться в квартиру гостеприимных советских людей и пакостить там. Когда наши люди говорят, что мы «претворили в жизнь», для них это звучит обветшало и не подходит.

...Я считаю, что нанесено огромное оскорбление нашему народу, и ставлю законный вопрос: как извиниться перед нашим народом? 70 городов, не меньше, слушали эту передачу.

Карцов. ...Успенский не сказал, что купцы или дворяне портили русский язык, а пришла советская власть и всё испортила.

Выступающий возмущается, что люди присылают такие названия городов, как Светлый, Радостный, Мечта. Он называет их слащавыми, пошлыми. Они издеваются над этим делом.

По должности итог обсуждения подвёл председатель Комитета по радиовещанию и телевидению при Совмине СССР Николай Месяцев.

Н. М. ...Я думаю, что у членов Комитета единое мнение, что это политически вредная и идейно порочная передача... Что касается художественных качеств этой передачи, то она не представляет никакой ценности в этом отношении... то выражение той острой борьбы, которую пытаются навязать нам группки людей, имеющих постоянное чувство локтя, умонастроение которых лежит где-то в одной плоскости. Известно, что их настроения подогреваются извне. И они пытаются, где это возможно, дать бой нашим устремлениям, нашей идеологии, нашим взглядам, мешают жить так, как учит партия...

Много воды утекло с тех пор, миновали «оттепель», «застой»,

«перестройка», ушли в прошлое «руководящая и направляющая роль партии», да и сам СССР. Между тем всё, что было сказано в той давней передаче «Литературный вторник» 4 января 1966 г., продолжает оставаться актуальным. В настоящее время это особенно чувствуется при обсуждении топонимических вопросов, которое никак не может выйти из заколдованного круга политических предпочтений в область культуры.

Партийный подход, казалось бы, уже совсем изжитый при оценке литературы, архитектуры, театра, до сих пор никак не отпускает топонимику, которую многие продолжают оценивать строго по политическим лекалам. В том, что другой подход не только возможен, но и единственно оправдан, может убедиться любой, кто ознакомится с содержанием той легендарной передачи.

ИЖОРА: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГИДРОНИМА И ЭТНОНИМА

Ижора, как название и реки, и народа дало целый ряд производных топонимов: Ижорская возвышенность, несколько населённых пунктов. Есть территория, называемая Ижорская земля, которая в разное время имела различные границы.

Колпинских краеведов не мог не заинтересовать вопрос происхождения гидронима и этнонима, и здесь нам встретилось несколько версий. Очевидно, вопрос не имеет однозначного, признанного всеми исследователями, решения. К тому же и результаты их изысканий сделаны в разное время.

Попытаемся вслед за ними выяснить, как связаны гидроним и этноним *ижора*, что является порождением чего, и каково само происхождение этого слова. Также нас интересует, связаны ли своим происхождением слова, обозначающие реку Ижора, народ ижора, Ижорскую землю в разных языках. Прежде всего, речь идёт о русском, шведском и языках финно-угорской группы и таких словах, как Ингрия, Ингерманландия, которые, приобретая русский формант, вошли и в русский язык.

Прежде всего, о самом народе ижора. О его происхождении существуют две гипотезы. Согласно первой, ижора происходит от карел, переселившихся в XI–XII вв.

с Карельского перешейка и северо-западного Приладожья на территорию южнее Невы и Финского залива. Согласно второй, ижора и карелы происходят от общего предка, который переселился из юго-восточного Приладожья в двух направлениях: в северо-западное Приладожье и к югу от Невы, и произошло это в конце первого тысячелетия нашей эры.

Первым достоверным упоминанием об ижоре считается булла папы Римского Александра III к Упсальскому епископу Стефану (вторая половина XII в.). В ней папа распространяет полномочия епископа на язычников Ингрии (при переводе встречаются, однако, разночтения: Ингрии/ингров). Затем страна Ингария упоминается в Ливонских хрониках Генриха Латвийского 1221 г.

В вопросе о происхождении названия реки будем отталкиваться от статьи в «Этимологическом

Устье реки Ижора. Фото Сергея Костенко

Река Ижора. Фото Фёдора Лашкова

словаре» Макса Фасмера. В ней Фасмер приводит следующие названия:

- древнерусские *Ижера* и *Ижерская земля*,
- финские *Inkeri*, *Ingerinmaa*,
- шведское *Ingermanland* (часто с 1617 по 1702 гг.),
- средне- и нижненемецкое *Engeren* — «Ингрия».

Об их происхождении Фасмер пишет: «Попытки объяснить это название из финского до сих пор оставались безуспешными, также, как и попытки приписать ему германское происхождение. До сих пор представляется наиболее аргументированной точка зрения Шёгрена о том, что это название восходит к имени супруги Ярослава Мудрого *Ingigerdr̄*».

Далее Фасмер пишет о трансформации в русское и древнескандинавского *in-*, приводит в пример Игорь — Ингвар. Фасмер высказался против финно-угорской этимологии, упоминая при этом, что это название все-таки восходит к финскому *Inkeri*, первоначально «извилистая река».

Рассмотрим подробнее точку зрения Шёгрена, которую Фасмер считает наиболее аргументированной. Это версия шведская.

Андреас Шёгрэн — российский академик, финн по национальности, основатель финно-угроведения, живший в первой половине XIX в. Его версия связывает происхождение топонима Ижорская земля с известным историческим фактом — женитьбой в 1018 г. новгородского князя Ярослава Владимировича на шведской принцессе Ингигерд, дочери короля Олафа. При венчании она получила в приданое город Альдейгьюборг (Ладoga) с прилежащим к нему ярлством, каковым и были земли по южному берегу Невы. Эта территория стала называться *Ingerinmaa* (земля Ингигерд), впоследствии в русском языке трансформировалась в *Ингрия*, *Ижорская земля*. От земли произошло название и реки, и основного народа, проживавшего на этой территории.

Позволю здесь сделать собственное уточнение. Название, если и произошло от имени шведской принцессы, то скорее от её уменьшительной формы Ингрид, которая фонетически ближе к образованному топониму.

Отметим, что «подарок» Ярослава был вынужденным: ему предшествовали драматические события междоусобной борьбы русских князей. Ярослав посредством женитьбы на Ингигерд хотел получить помощь варяжской дружины. На этом браке настоял и отец Ингигерд; сама она собиралась выйти за норвежского конунга Олафа, ставшего впоследствии одним из самых

почитаемых в Скандинавии общехристианских святых. От имени Ингигерд Ингрией стал править её родич, ярл Рёгнвальд, и его власть стала наследственной. Фактически эта область отпала от Руси. В XI–XII вв. она стала предметом споров и вооружённых конфликтов, пока прочно не закрепилась во владениях новгородцев. Ингигерд была канонизирована как Анна, небесная покровительница Новгорода.

Карт, обозначающих территорию этого ярлства, найти не удалось. Само её описание представляется необычным: у нас, по сути, два маркера: город Ладога и река Ижора. Считалась ли она западной границей этой территории? Возможно, но она вполне могла включать земли вдоль Ижоры, по её левому берегу. Следует отметить, что река Ижора в силу своей конфигурации не очень хороший маркер для обозначения границы.

Вспомним, что Фасмер в качестве примера трансформации древнескандинавского *in-* в русское и приводит имена Ингвара и Игоря. Интересно, что эти имена также фигурируют в числе версий происхождения Ингрии. Историк Василий Татищев в середине XVIII в. публикует летопись, написанную в начале XI в. епископом новгородским Иоакимом. Обращает внимание следующая запись: *«Имел Рюрик неколико жен, но паче всех любляше Ефанду, дочь князя Урманского; и егда та роди сына Ингоря, даде ей обещанный при море град с Ижорою в вено»*. Татищев делает примечание: *«Ижора в вено. Сей предел Ярослав после*

княгине своей Ингегирдисе в дар жениха за невесту отдал, и, может, оный от Ингоря Ингрия прозван».

Рождение Ингоря, то есть Игоря, по летописной, довольно сомнительной датировке,— это около 878 г. Обращает на себя внимание, что уже упоминается Ижора. Река ли это? И есть сомнения того же рода, что и в версии с Ингигерд: что за территория, обозначаемая как «при море град с Ижорою», если речь идёт о городе Ладога.

Между тем, из этой записи следует, что Татищев не видит связи Ижоры с Ингрией, хотя в XVIII в. Ижорская земля и Ингрия — практически синонимы. Ингрию в такой версии он не связывает и с именем Ингегирд. Высказывает лишь предположение о происхождении земли Ингрия от имени сына Рюрика Ингоря.

Следует отметить, что достоверность Иоакимовской летописи ставилась историками под сомнение, потому что никто, кроме Татищева, её не видел.

Версию Татищева можно называть норманнской, но объясняет она только слово Ингрия. И если Иоакимовская летопись действительно существовала и процитирована она правильно, то её значение прежде всего в установлении факта несвязанности своим происхождением слов Ижора и Ингрия.

Фасмер в конце статьи упоминает Мягисте. Юлиус Мягисте, эстонский лингвист XX в., считал, что река получила название *Inkeri*, на финском — извилистая, которое в древнерусской транскрипции читалось как *Ижера*. По ней

было названо расселившееся на её берегах племя. А территория расселения племени стала называться *Ижорская земля*, *Ингрия*, *Ingerinmaa*, *Ingermanland*.

Версия Мягисте — финская, точнее, одного из финно-угорских народов, по-видимому, корел.

Что касается шведского названия *Ingermanland*, то обычно объясняют, что в нём слово *land* (земля) было присоединено к финскому *Ingerinmaa* (Ижорская земля) с трансформацией *maa* (земля) в *mal* (человек). Или возможна версия о том, что шведы не знали, что слово «земля» в этом финском топониме уже есть, и присовокупили своё *land* (версия не столь экзотическая, как кажется; взять, к примеру, название холма *Торпенгоухилл* в Уэльсе, состоящее из слова «холм» на четырёх разных языках).

Но здесь вопрос: могло ли название земли как административной единицы появиться в финском языке раньше, чем в шведском? Ведь дело касалось фактической передачи этой земли родственнику шведской королевской семьи. Понятно, что она должна была получить какое-то название, но это нужно было прежде всего шведам. Почему же им самим было не дать название, а не заимствовать у финнов? Да и, кто такие «шведы», нам понятно: было королевство, принцесса; известно, кто получил в управление эту территорию. А кто такие в данном случае «финны», и какой механизм присвоения названий финнами имел место быть?

Если верной является шведская или норманнская версии, то есть слово появилось в шведском, то получается, что на финно-угорском (вероятно, карельском) оно случайно оказалось созвучным слову, обозначающему «извилистая», и с некоторой трансформацией стало и названием реки. Говоря об Ижоре, вряд ли можно сказать, что она выделяется на фоне других рек своей извилистостью и что это является её основной характеристикой настолько, что просто просится в название. Поэтому, скорее всего, оно было как бы подсказано фонетическим сходством.

По другой финской версии, автора которой установить не удалось, *inkeri maa* на языке древних корел — это «прекрасная земля», она дала название реке и народу, который выделился из корел и осел по её берегам. Это название могли дать, скорее всего, именно те корелы, которые и образовали народ ижора. Оно же стало самоназванием народа.

Народ ижора. Женский костюм. XVIII в.

*Ижорская крестьянская баба.
Ein Ingermanlandisches Bauern Weib.
Puisanne d'Ingrie.*

Ижорский костюм. Конец XVIII в.

Эту версию разделяет Александр Шарымов, журналист и историк-петербурговед XX в., автор книги «Предыстория Санкт-Петербурга».

Он отмечает, что этнонима ижора тогда, во времена Рюрика, в ходу ещё не было: ижора именовалась южнобалтийской русью. Таким образом, считает Шарымов, этноним ижора следует, видимо, возводить не к «личному княжескому имени», а к топониму, который, может быть, первоначально звучал по-карельски как «инкери маа», что означало «прекрасная земля». От названия же этой «прекрасной земли» могла получить название и река *Inkere* (Ижора).

Как и в случае с первой финской версией, возникает тот же вопрос: могли ли финны опередить шведов?

Не могло ли и здесь свою роль сыграть простое созвучие шведского слова *Ingermanland* с финским *inkeri maа* «прекрасная земля»? Может быть, финны дали такое название не потому, что земля была столь прекрасна, что другого названия и нельзя было дать, а потому, что появилось шведское название этой территории, по звучанию напоминавшее это словосочетание.

И такое происхождение *Inkere, Ingerinmaa* весьма характерно для народных топонимов, каковыми они и были в первое время в финно-угорском языке. И в России, например, наиболее успешно закрепились те изначально финские топонимы, которые были созвучны русским словам, в действительности, ничего общего с ними не имеющим: Купчино, Саари, Автово, Мойка и т. п.

Третью финскую версию я нашёл в выступлении Надежды Кабининой, филолога из Архангельска, на Рябининских чтениях–2003 «Ижора: к проблеме этимологизации». Её прежде всего интересовал этноним ижора. По её мнению, первичность гидронима, априорно признаваемая многими исследователями, по ряду исторических фактов в высокой степени сомнительна, и она придерживается точки зрения о первичности этнонима.

Кабинина считает, что происхождение *ижора* от *inkeri* не находит ни фонетических объяснений,

ни достоверных семантических аргументов. И она нашла в одном из финских диалектов слово, наиболее фонетически созвучно слову ижеряне. Это *yusyryjäinen* — грубый, неприветливый. То есть была там вовсе не прекрасная земля и даже не извилистая река, а нечто малопривлекательное. Она считает весьма вероятным что формы ижерянин, ижеряне первичны по отношению к ижера (в значении народ).

Кабинина так объясняет, почему слово, означающее эти качества, стало названием народа. Этот финский диалектизм есть своего рода сращение двух широко известных слов: *unsea* — грубый, неприветливый, неприязненный и *surjainen* — находящийся в стороне, отдалённый (буквально: относящийся к краю). Таким образом, слово представляет собой «объёмную» эмоциональную и географическую характеристику человека — вызывающего неприязнь, живущего в стороне, на краю. Связано это с тем, что ижера, в отличие от других прибалтийско-финских народов, изначально тяготела к Новгороду, т. е. представляла для древних суми и эми враждебное население.

Но позднее исходная семантика этих слов финского диалекта была утрачена. Соответственно, в русском языке этноним хорошо сохранился потому, что он был единственным, а также потому, что тесная связь русского и ижорского населения никогда не прерывалась.

«Что касается названия реки Ижера,— утверждает Кабинина,— то его возникновение на основе

этнонима имеет под собой историческую почву. Она заключается не в том, что именно в бассейне этой реки проживало раннее ижорское население (это не так), а в том, что в XIII веке, при Александре Невском, население “земли Ижерстей” по политическим причинам было в значительной степени стянуто к устью Невы, где оно несло охранную службу на водных путях на восток из Балтийского моря по Большой и Малой Неве. Ижора внесла большой вклад в победу над шведами в 1240 году. Битва происходила в устье реки, которая впервые названа Ижерой в “Житии Александра Невского”. Таким образом, название реки, на наш взгляд, возникло в связи с временной, но крайне важной для Новгорода и всей Руси централизацией ижорского населения на берегах Невы вблизи её устья».

Из этой версии следует, что слова ижера, Ижора, Ижорская земля, с одной стороны, и ингры, Инкере, Ингрия, с другой, никак не связаны, а просто являются обозначением одних и тех же понятий в разных языках, но имеют собственное, не связанное между собой, происхождение. Это в принципе допускает любую из возможных версий происхождения слов Инкере, Ингрия. Но в отличие от версии Татищева, упоминавшего Ижару, когда и народа ещё не было, Кабинина утверждает, что гидроним появился значительно позднее.

А вот что писал первый историк Петербурга Андрей Богданов об Ижорской земле: «Имя же сие мес-

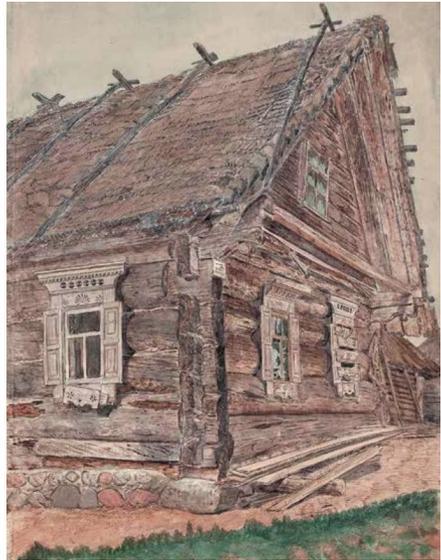
то восприяло зватися Ижерская Земля издревле по имени Реки Ижеры именуемой... И другая причина подала месту сему именоватися Ижерская Земля, для одержанной преславной баталии над шведами, при оно Реке Ижере учиненной... Древние жители сего места, то есть Ижерския Области, назывались ижоряне, народ славенской и Веры Православной...». То есть река дала название земле и народу.

Приведём мнения российских топонимистов XX в. и современных.

Александр Попов в книге «Следы времён минувших»: «Происхождение гидронима бесспорно связано с племенным именем инкери, превратившемся в русской передаче в ижора, ижера, известным по памятникам с XIII века (*Ingria* ещё ранее)».

Галина Смолицкая, автор «Топонимического словаря Центральной России», в статье «Ижора» пишет, что происхождение и значение гидронима окончательно не установлено. Исследователи возводят его к финно-угорскому источнику *Inkeri* «извилистая река». С определённой долей сомнения Р. А. Агеева учитывает мнение Фасмера о том, что этот гидроним восходит к скандинавскому имени Ингрид, а в финском соответствует *Inka* (*Inga*) или *Inkeri* (*Ingeri*). (Агеева Р. А. Страны и народы. М., 1990). В данном случае река дала название финскому племени ижора.

Упомянутая Смолицкой Руфина Агеева в книге «Какого мы роду-племени» пишет, что крайне

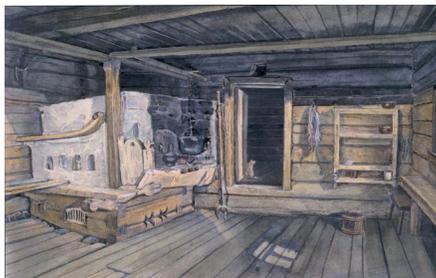

Ижорская изба (рисунок из собрания Российского этнографического музея)

редки случаи наименования рек по личным именам людей. Если согласиться с сомнениями Агеевой, но сохранить в своей основе шведскую версию, то название реки могло произойти или непосредственно от имени Ингрид, или от названия народа ингры или земли Ингрия. Агеева скорее отдаёт предпочтение финно-угорской версии о первичности названия реки *Inkeri* («извилистая»).

Евгений Поспелов в своих словарях также придерживается версии происхождения реки Ижоры от *Inkeri* — «извилистая» через Ижера, также указывает на трансформацию древнескандинавского *in-* в русское «и».

Сайт Энциклопедии «Культура Ленинградской области»: «от названия реки происходит этноним ижора (ижорцы)».

Ижорцы. Интерьер избы.
Акварель Р. М. Габе. 1926

Пётр Сорокин рассматривает этот вопрос в книге «Окрестности Петербурга. Из истории ижорской земли» (2017). Он приводит цитаты из Богданова, версии Татищева и Шёгрена о возникновении Ижорской земли, или Ингрии, отмечая при этом, что по его данным сам народ ижора к началу XI в. ещё не появился.

В общем, учёные не пришли к единой точке зрения, а изложенные версии в чём-то дополняют друг друга, в чём-то противоречат. Очевидно, полностью их согласовать пока не представляется возможным. Тем не менее некоторый их синтез с определёнными оговорками возможен. Для этого следует принять ту точку зрения, что *ижора* — это не русская транскрипция слова *Ингрия*, а имеет собственное происхождение. Должен признаться, что, не будучи специалистом по лингвистике и фонетике, тем более древнескандинавской и финно-угорской, я не мог провести собственное исследование и ограничился лишь анализом известных версий, при этом ис-

ходил из того, что выдвинувшие их учёные оперировали действительными фактами.

На мой взгляд, имело место следующее. При женитьбе Ярослава на Ингигерд и передаче Альдейгьюборга с ярлством под управление Рёнвальда этой территории шведы дали название *Ingermanland* — земля людей Ингрид, возможно, неофициальное, но широко используемое. Река от неё получила название *Inger*. В финском языке они закрепились как *Inkerinmaa* и *Inkere* по созвучию с финскими словами, возможно, означающими «прекрасная земля» и «извилистая». Река дала название народу, который здесь преобладал. В русский язык слово *ижора* попало как этимологически не связанное с вышеназванными шведскими и финскими, но как финское по своему происхождению, возможно, означающее «грубый, неприветливый». Слово это стало обозначать народ, а потом и реку, хотя и другая последовательность тоже возможна.

Версия с Ингигерд может быть заменена версией с рождением Игоря, поскольку и там речь шла о неофициальном прозвании некоторой территории, но та версия представляется исторически менее убедительной.

Полную датировку событий в этих версиях дать непросто, но следует отталкиваться от известных дат женитьбы князя Ярослава или рождения Игоря; возникновение же слова *ижора* в русском языке к этим событиям привязки не имеет, а связано со временем появления народа как такового.

СТАНЦИЯ МЕТРО «КУПЧИНО»: ИСТОРИЯ ПРОЦЕССА НАИМЕНОВАНИЯ

Мы являемся свидетелями окончания одной из самых затяжных петербургских метростроек постсоветской эпохи — Фрунзенского радиуса, его строительство подходит к концу. Интересно обратиться к появлению на карте тогда ещё Ленинграда первой станции метро этой линии, названной «Купчино» и открытой 25 декабря 1972 г. Как именно она получила своё имя?

Казалось бы, всё просто — рядом находится соответствующий исторический район города. Однако на деле всё было несколько сложнее: вариант «Купчино» стал финальным, но не был единственным в процессе выбора названия станции. Более того, само появление подобного наименования станции метро внесло некоторые изменения в топонимическую картину города, что коснулось, в частности, нынешней железнодорожной платформы «Проспект Славы».

Первый участок 2-й линии, Московско-Петроградской — от

«Технологического института» до «Парка Победы» — был открыт 29 апреля 1961 г. Но ещё до этого момента на плане развития Ленинградского метрополитена до 1980 г. предполагалось продление линии на юг, правда, не к нынешнему Купчину, а в Шушары¹ (в частности, на перспективной схеме 1963 г. показано продление вдоль Московского шоссе²).

На несколько более поздней схеме уже можно видеть другую конфигурацию — после нынешней «Московской» шли станции «Имени Ленсовета» (будущая «Звёздная») и «Витебская»³. И это уже примерно соответствует тому,

¹ План развития Ленинградского метрополитена к 1980 году // <http://podzemka.spb.ru/history/66/>.

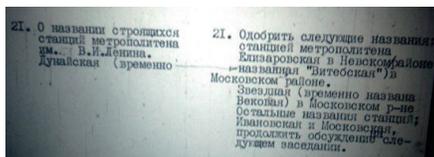
² Схема развития Ленинградского метрополитена // <http://podzemka.spb.ru/history/65/>.

³ Схема ленинградского метрополитена, 1965 // <http://podzemka.spb.ru/history/62/>. В описании сказано, что схема взята из Ежегодника Большой советской энциклопедии 1966 г., но датирована она 1965 г. (что не удивительно, поскольку Ежегодники давали информацию за предыдущий год).

что было реализовано в 1972 г., и именно «Витебская» стала рабочим названием для будущей станции «Купчино». Это наименование фигурировало в середине — второй половине 1960-х гг. и в печати. Например, 6 сентября 1966 г. в газете «Вечерний Ленинград» вышла заметка «Станция метро “Витебская”», где вкратце рассказывалось о том, как эта станция будет выглядеть⁴. При этом речь шла и о сооружении нового железнодорожного остановочного пункта (стоит заметить, что платформа под названием «Купчино» уже была: как известно, это нынешний остановочный пункт «Проспект Славы»).

Городская Комиссия по наименованиям — предшественница современной Топонимической комиссии — имела своё мнение по названию станции. Вопрос был поднят на заседании, состоявшемся... И здесь данные документов Комиссии по наименованиям друг другу противоречат: в обоих архивных делах с материалами Комиссии за 1966 и 1967 гг. упоминается о заседании, имевшем место 18 февраля, причём повестка в значительной степени совпадает, что наводит на мысль, что речь идёт об одном и том же

заседании⁵ (вероятнее всего, заседание состоялось всё-таки в 1967 г., поскольку в дальнейшем в деле на него идут ссылки⁶ — однако в протоколе вопрос о метро не упоминается, тогда как в протоколе 1966 г., помимо всего прочего, был одобрен вариант «Дунайская, временно названа “Витебская” в Московском районе»⁷. При этом на тот момент Дунайского проспекта ещё не было — он появится юридически лишь в 1968 г.

До подготовки официального решения по итогам заседания Комиссии, которое должно было быть подписано главой исполнительного комитета Ленинградского городского Совета — Ленгорисполкома — дело не дошло.

К вопросу о наименовании станции вернулись в 1968 г. 21 марта начальник Ленинградского метрополитена В. Г. Аверкиев направил письмо⁸ заместителю председателя Ленгорисполкома Е. А. Гоголеву, возглавлявшему по должности Комиссию по наименованиям:

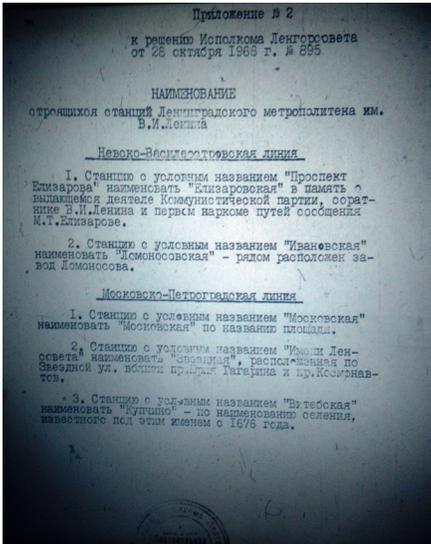
⁴ Станция метро «Витебская» // Вечерний Ленинград. 1966. 6 сент. С. 1 (см.: Станция метро «Купчино» // http://www.kupsilla.ru/metro/np66_2.jpg).

⁵ Ср.: ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 42. Д. 1275. Л. 49-52 (1966 г.); Там же. Д. 1625. Л. 21-24 (1967 г.).

⁶ Например: Там же. Л. 84.

⁷ Там же. Д. 1275. Л. 52.

⁸ Там же. Оп. 43. Д. 271. Л. 1-2.

«В адрес ГлавАПУ <Главного архитектурно-планировочного управления Ленгорисполкома> и Управления метрополитена и в газеты поступают многочисленные предложения и пожелания ленинградцев о наименованиях строящихся станций Невско-Василеостровской и Московско-Петроградской линий.

Трудящиеся считают, что наименования станций, условно принятые в процессе проектирования, являются неудачными.

Управление метрополитена совместно с общественными организациями и активом, рассмот-

рело поступившие предложения ленинградцев и просит утвердить решением Ленгорисполкома наименования станций, предлагаемые в данном письме».

Речь шла о пяти станциях — двух на 3-й (Невско-Василеостровской) линии, нынешних «Елизаровской» и «Ломоносовской»⁹ и трёх на 2-й линии (Московско-Петроградской) — сегодняшних «Московской», «Звёздной»¹⁰ и «Купчино». И что касается последней, то о её наименовании в письме Аверкиева говорилось следующее:

«3. Условное наименование — "Витебская".

Вызовет у пассажиров путаницу, т. к. в городе имеется Витебский вокзал и Витебский проспект.

Учитывая, что данная станция конечная и самая южная в перспективной сети линии метрополитена, её следует назвать — ЮЖНАЯ, а проектируемое депо назвать — "Южное депо Ленинградского метрополитена"».

Как и в случае с «Дунайской», предлагался ещё один вариант наименования, точнее — наименований, связанных ныне с 5-й линией: «Южная» — это проектное название станции метро «Шушары», возле которой в последние годы возводилось новое метродепо «Южное».

⁹ Условные названия, указанные в письме: «Проспект Елизарова», «Ивановская»; метрополитен предлагал «Елизаровскую» и «Володарскую».

¹⁰ Условные названия «Московской» и «Звёздной» — «Московская» и «Имени Ленсовета»; предложения метрополитена — «Авиационная» и «Звёздная». «Звёздная» и «Елизаровская» — варианты, утверждённые Комиссией по наименованиям в феврале 1966 г., вместе с «Дунайской».

6 мая 1968 г. Ленгорисполком принял решение № 395 «О строительстве продолжения Московско-Петроградской линии Ленинградского метрополитена имени В.И. Ленина»¹¹, которым отводились участки под строительство, причём при подготовке проекта в высказанных к нему замечаниях упоминалось название «Витебская» и для будущей железнодорожной платформы¹².

30 мая 1968 г. в «Ленинградской правде» вышла заметка «Как назвать новые станции метро?»¹³. В заметке читателям предлагалось до 10 июня выдвинуть свои варианты наименований для тех же пяти станций, о которых ранее запрашивал Аверкиев, причём приводились и те варианты, которые были указаны в его письме. Вот что говорилось про конечную станцию Московско-Петроградской линии:

«УСЛОВНОЕ НАЗВАНИЕ СТАНЦИИ — «ВИТЕБСКАЯ».

Такое название может вызывать путаницу, особенно у гостей города, поскольку в Ленинграде есть Витебский вокзал. Эта станция, призванная обслуживать район Купчина, на Ленинградском метрополитене будет

самая южная, поэтому предлагается назвать ее «ЮЖНАЯ».

Читатели «Ленинградской правды» на призыв откликнулись и по всем пяти станциям предложили свои варианты, о чём газета отчиталась на своих страницах 14 июня 1968 г.¹⁴ И – нельзя это не отметить – применительно к интересующей нас станции коллективный читательский голос высказался за привязку к старейшему названию в этой части Ленинграда:

«...не менее единодушны¹⁵ были читатели при обсуждении варианта «Витебская» — «Южная».

«Названия станций должны быть лаконичными и отражать их местоположение», — говорит Н. Солдатов, — Лучшее всего — «КУПЧИНО» или «КУПЧИНСКАЯ».

Многие справедливо замечают: в дальнейшем ведь появятся, вероятно, станции, расположенные ещё южнее. Поэтому «Южная» — не удачно (М. Гольдин, Б. Гайдаров, А. Локшин).

Ею будут пользоваться, в основном, жители Купчина. И одноимённое название — более конкретное. К подобному выводу пришли Г. Майзельс и Г. Нестеров».

¹¹ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 43. Д. 46. Л. 196-197.

¹² Там же. Л. 199.

¹³ Как назвать новые станции метро? // Ленинградская правда. 1968. 30 мая. С. 4.

¹⁴ Новые станции метро — как их назвать? // Ленинградская правда. 1968. 14 июня. С. 4.

¹⁵ Имеется в виду единодушие по предложениям относительно нынешней «Звёздной» («Имени Ленсовета») — абсолютное большинство авторов писем выдвигало вариант «Гагаринская». Стоит напомнить, что Ю. А. Гагарин, проспект в честь которого находится неподалёку, погиб незадолго до появления статьи в «Ленинградской правде» — 27 марта 1968 г. Его похороны на Красной площади транслировались по Центральному телевидению, и на них, без преувеличения, плакала вся страна.

В итоге и Комиссия по наименованиям вернулась к вопросу о названиях для пяти вышеуказанных станций метро. На заседании 13 сентября 1968 г. был принят новый пакет рекомендаций — для трёх станций, в том числе и для конечной станции Московско-Петроградской линии вновь оказался вариант «Дунайская»¹⁶. Именно этот вариант и пошёл, вместе с остальными, согласованными на этом и двух следующих заседаниях Комиссии (27 сентября и 18 октября) на утверждение в Ленгорисполком. В приложении к предложенному проекту постановления Ленгорисполкома было приведено следующее обоснование: «По наименованию проектируемой транспортной магистрали «Дунайский проспект»»¹⁷.

Казалось бы, новая станция должна была получить именно такое название — «Дунайская», раз уж и проспект поблизости решили назвать таким же образом. Однако, не всегда рекомендации Комиссии по наименованию воплощались в жизнь: Ленгорисполком мог не

только не принять их, но и скорректировать. В данном случае, в текст проекта приложения, посвящённого станциям метрополитена, были внесены рукописные правки, наиболее серьёзной из которых было перечёркивание пункта по «Дунайской». Вместо него было вписано наименование «Купчино» с соответствующим обоснованием — по новому застраиваемому району со старинным названием. И именно это название, причём с отсылкой не к новому району, а к прежней деревне, и попало в окончательный вариант приложения к решению Ленгорисполкома № 895:

«3. Станцию с условным названием “Витебская” наименовать “Купчино” — по наименованию поселения, известного под этим именем с 1676 года»¹⁸.

Это решение было принято 28 октября 1968 г. 31 октября сообщение о присвоении названия (среди иных только что принятых) появилось в «Ленинградской правде» со следующим обоснованием: «по наименованию крупного жилого района новостроек»¹⁹.

¹⁶ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 43. Д. 271. Л. 45. Как и на том же заседании, где впервые был рекомендован вариант с «Дунайской», были также одобрены «Елизаровская» и «Звёздная». На заседании 27 сентября 1968 г. были одобрены «Ломоносовская» или «Завод имени Ломоносова» с одной стороны (с оговоркой: «Предположительно второе название») и «Площадь Советов» с другой (Там же. Л. 69). Наконец, на ещё одном заседании Комиссии — 18 октября 1968 г. — были приняты современные варианты, «Ломоносовская» и «Московская» (с рекомендацией о переименовании тогдашней Московской площади в «площадь “Московские ворота”» и переносе прежнего названия на нынешнее место — к Дому Советов. См.: Там же. Л. 76).

¹⁷ Там же. Л. 15.

¹⁸ Там же. Д. 76. Л. 58.

¹⁹ Так названы улицы... ..и станции метро // Ленинградская правда. 1968. 31 окт. С. 4.

Таким образом, станция получила официально своё наименование, существующее и по сей день.

Но и это решение пытались изменить. Поначалу оно не устраивало всё того же В. Г. Аверкиева. 23 июля 1969 г. начальник Ленинградского метрополитена отправил письмо в адрес главы Ленгорисполкома А. А. Сизова — и уже не первое, судя по его тексту²⁰ — в котором указывал, что принятое название *«не отвечает географическому расположению станции и расположенному рядом с ней жилмассивом <так в тексте> и будет дезориентировать пассажиров»*²¹. При этом он выступал за «Витебскую» или «Южную». Два года спустя, 8 сентября 1971 г., Аверкиев писал уже заместителю председателя Ленгорисполкома и главе Комиссии по наименованиям А. П. Бойковой. В письме начальник ленинградской подземки опять-таки указывал на возможную

дезориентацию населения и при этом выдвигал несколько неожиданный вариант — «Лунная» (вероятно, в пару к «Звёздной»), заодно предлагая таким же образом окрестить одну из новых ближайших улиц²².

Возражения последовали и из ГлавАПУ. 26 февраля 1970 г. заместитель начальника Архитектурно-планировочного управления А. А. Любош направил послание²³ в адрес заместителя председателя Ленгорисполкома Г. В. Кочкина (главы Комиссии после Гоголева, но до Бойковой) и начальника транспортного управления В. А. Корецкого:

«Решением Исполкома Ленгорсовета конечной станции метрополитена строящегося южного участка Московско-Петроградской линии присвоено наименование “Купчино”. В то же время, как известно, “Купчино” — название существующей станции Витеб-

²⁰ В тексте идёт отсылка к письму от 15 марта 1969 г., текст которого, к сожалению, в архивном деле отсутствует.

²¹ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 46. Д. 444. Л. 11.

²² Там же. Л. 9.

²³ Там же. Л. 10.

ской линии Октябрьской железной дороги и примыкающего к ней жилого района, расположенных на 2,5 км севернее указанной станции метрополитена.

В результате, уже сейчас жители района Купчино, введённые в заблуждение указанным наименованием, ожидают появления метрополитена в своём районе. После начала эксплуатации линии будут возникать массовые недоразумения, так как пассажиры будут считать, что их везут в Купчино, тогда как линия идёт в другой район.

В связи с изложенным, ГлавАПУ считает необходимым срочно изменить указанное наименование. Станция может быть названа «Южная»». Значок «*» был рукописным, и, вероятно, принадлежал уже не Любошу — также, как и приписанный ниже комментарий:*

«» намечалась «Дунайская» — т. к. рядом пройдёт новая транспортная магистраль — Дунайский пр. (на расстоянии 150 м)».*

Здесь интересно то, что, с одной стороны, Любош, как и ранее метрополитен, предлагает вариант «Южная». А с другой — аргументация, которую приводит Любош, сходна с той, которая приводилась в последние годы в ходе обсуждений на различных Интернет-площадках по станции, которая носит проектное название «Южная», а

официальное — «Шушары»: дезориентация, нахождение жилого района и железнодорожной платформы в другом месте²⁴.

Тем не менее, Ленгорисполком своего решения менять не стал. Более того, в итоге и Аверкиев согласился на «Купчино» (в письме в адрес А. П. Бойковой от 25 февраля 1972 г.²⁵):

«Управление Ленметрополитена просит комиссию Ленгорисполкома по присвоению названий подтвердить название конечной станции на южный конец Московско-Петроградской линии метрополитена — Купчино <так в тексте>.

Это наименование, в настоящее время, учитывая начавшуюся застройку южного района Купчино, вполне соответствует местоположению станции».

Под этим названием — «Купчино» — станция метро и была открыта, вместе со станцией «Звёздная», 25 декабря 1972 г., создав новые транспортные связи для жителей Фрунзенского района. Немаловажно то, что станция имеет выход и в Московский район, а продление Витебского проспекта (с организацией новых маршрутов общественного транспорта) уже в нашем столетии сделало этот выход ещё более востребованным.

Открытие станции метро, как крупной топонимической доминанты, имело определённые по-

²⁴ Например: <https://subwaytalks.ru/viewtopic.php?f=51&t=7776>. Автор настоящей статьи также не считает название «Шушары» для конечной станции 5-й линии удачным.

²⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 46. Д. 444. Л. 21.

следствия именно в топонимическом плане, и о них стоит сказать отдельно. Во-первых, наличие станции метро «Купчино» способствовало укоренению топонима «Купчино» на территории крайнего юга Фрунзенского района, который как раз и начинал градостроительно осваиваться в это время. При этом историческая деревня Купчино находилась севернее, в районе современной улицы Димитрова. Когда в 1960-е гг. началась застройка территории к северу от деревни (на месте бывшего села Рылеева и полей совхоза «Ударник»), то и её тоже стали называть Купчино. Теперь, соответственно, разворачивалась застройка уже южнее бывшего селения, и топоним «Купчино» также захватывал новые кварталы. Собственно, даже из приведённой выше цитаты Аверкиева про «застройку южного района Купчино» понятно, что, по всей видимости, эти новые кварталы и так назывались бы Купчино. Но, разумеется, этому поспособствовало и наличие одноимённой станции метро.

Во-вторых, помимо станции метро здесь же была сооружена и железнодорожная платформа, вопрос о наименовании которой также необходимо было решить. 4 августа 1972 г. начальник Октябрьской железной дороги (ОЖД) В. В. Чубаров отправил письмо заместителю председателя Лен-

горисполкома А. А. Чистякову по вопросу наименования трёх новых платформ на территории Ленинграда и его пригородов²⁶. Одной из этих платформ должен был стать как раз «остановочный пункт на 11-ом километре Витебского направления», для которого Управление ОЖД предложило вариант «имени Ленсовета» по соответствующей улице, проходящей относительно неподалёку. Чистяков ответил письмом от 13 декабря²⁷, в котором говорилось, что данный вариант непригоден, указывая на отдалённость платформы от улицы и на совмещённость остановочного пункта и станции метро. Заканчивалось его послание так: «*Заключение Ленгорисполкома по этой станции будет Вам сообщено дополнительно*».

В тот же самый день, когда открывалась станция метро «Купчино», 25 декабря 1972 г., Комиссия по наименованиям рассматривала, помимо всего прочего, и вопрос об этом остановочном пункте. Выдвинутое предложение, сходное с идеей железнодорожников — «улица Ленсовета» — было забраковано секретарём Комиссии, Н. А. Козел-Александровой. Она же заявила, что «станцию следует назвать „Балканская“. Во Фрунзенском районе названия улиц посвящены странам социализма, расположенным на Балканском полуострове». Этот вариант —

²⁶ ЦГА СПб. Там же. Д. 606. Л. 129.

²⁷ Там же. Л. 130.

«Балканская» — и был одобрен Комиссией²⁸.

Именно «Балканская» и должна была пройти через обсуждение на заседании Ленгорисполкома, которое состоялось 29 декабря 1972 г. Это название значилось в разделе «Протольно» проекта решения Ленгорисполкома. Но оттуда этот вариант наименования вычеркнули.

Остановочный пункт называли тем же именем, которое фигурировало и для проектного наименования станции метро и для самой платформы — «Витебская». Впрочем, присутствовали и иные названия, близкие уже к официальному наименованию конечной станции Московско-Петроградской линии — «Купчино-2» и «Новое Купчино»²⁹. И в результате новая топонимическая доминанта — станция метро — стала «перевешивать» доминанту прежнюю, одноимённую платформу, открытую в 1927 г. у места, где ранее была деревня Купчино.

20 марта 1973 г. заместитель начальника ОЖД Ф. Д. Иванников отправил письмо Бойковой, в котором говорилось следующее: «В связи с вводом в эксплуата-

цию железнодорожного остановочного пункта, совмещённого со станцией Ленметрополитена “Купчино”, Управление Октябрьской железной дороги просит присвоить ему наименование — остановочный пункт “Купчино”.

Одновременно с этим существующий остановочный пункт “Купчино” переименовать на — остановочный пункт “Проспект Славы” по названию рядом проходящего проспекта»³⁰.

Логика переименования понятна: перенести название к новой — и более мощной — топонимической доминанте и назвать бывшее «Купчино» по ближайшей улице, тем более, что за несколько лет до этого уже появилась платформа с названием по другому участку так называемой Центральной Дуговой Магистральной (куда входил и проспект Славы) — «Проспект Героев» (ныне — «Ленинский проспект»).

Предложение ОЖД не осталось без внимания, и его решено было передать на рассмотрение Комиссии по наименованиям³¹. 29 октября 1973 г. на заседании Президиума Ленгорисполкома (протокол № 24) был рассмотрен вопрос

²⁸ Там же. Д. 444. Л. 71. Также в ходе обсуждения выдвигался вариант «Волковская».

²⁹ См.: Платформа Купчино // http://www.kupsilla.ru/kupch_vit.htm. Название «Купчино-2» упоминается, видимо, как проектное, ещё до открытия платформы (См.: Юшканцев П. И. Южнее проспекта Славы: формирование в Купчине нового жилого района // Строительство и архитектура Ленинграда. 1971, № 7. С. 3; <http://www.kupsilla.ru/article66.htm>). Оно же, в форме «Купчино-II», встречается в предложениях, выработавшихся в 1973 г. внутри Комиссии по наименованию (ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 46. Д. 834. Л. 5, 6).

³⁰ Там же. Л. 28.

³¹ Там же. Д. 1227. Л. 4.

«О наименовании улиц и объектов местного подчинения», где с отметкой «протокольно» было выражено согласие с «предложением Городской комиссии по наименованиям улиц и городских объектов» о присвоении недавно появившейся платформе названия «Купчино» и о переименовании прежнего «Купчино» в «Проспект Славы»³².

Однако само заседание Комиссии, где был рассмотрен этот вопрос и одобрено его решение именно в указанном выше ключе, состоялось, что интересно, уже после заседания Президиума Ленгорисполкома — 2 ноября 1973 г.³³ И безо всякого промедления, в тот же самый день вышло решение Ленгорисполкома № 941. В этом решении, опять-таки в разделе «Протокольно», было (теми же словами, что и в протоколе заседания Президиума Ленгорисполкома) сказано о согласии с предложением Комиссии о наименовании «же-

лезнодорожного остановочного пункта на Витебской линии Октябрьской железной дороги, совмещённого со станцией метрополитена “Купчино” — “Купчино” и переименовании существующего железнодорожного остановочного пункта “Купчино” в “проспект Славы”»³⁴. В результате, рядом со станцией метро «Купчино» теперь появилась и платформа «Купчино», а прежнее «Купчино» стало «Проспектом Славы».

Таковы были перипетии появления наименования самой южной (на данный момент) станции 2-й линии метрополитена. Как видно, существующее название было выработано далеко не сразу и даже после его принятия возникли предложения о его изменении. Но в итоге станция получила всё-таки название «Купчино», что затем привело к смене имени и железнодорожного остановочного пункта.

³² ЦГА СПб. Ф. Р-7384. Оп. 46. Д. 890. Л. 32.

³³ Там же. Д. 834. Л. 61.

³⁴ Там же. Д. 1009. Л. 128–129. Точная дата, когда именно железнодорожное ведомство осуществило данные изменения, ещё нуждается в выяснении.

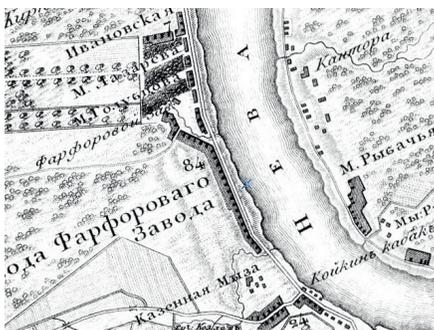
ЩЕМИЛОВКА И УЛИЦЫ БЫВШЕГО СЕЛА ФАРФОРОВОГО ЗАВОДА

Щемиловка... Что нам известно о происхождении этого топонима, расположенного на левом берегу нынешнего Невского района? Обратимся к плану 1913 г.

План из справочной книги А.С. Суворина «Весь Петербург» 1913 г.

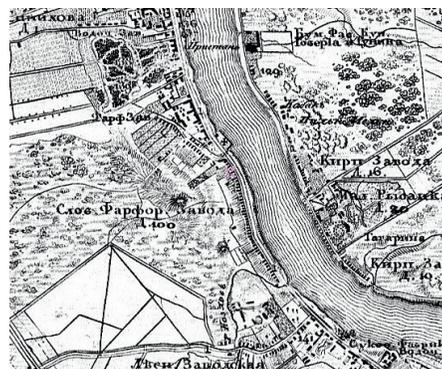
Улица Большая Щемиловка на плане Санкт-Петербурга проходит от Шлиссельбургского проспекта до Николаевской железной дороги.

Топографическая карта окрестности Санкт-Петербурга 1817 г.

В начальной, восточной, части к ней под прямым углом примыкает улица *Малая Щемиловка*.

На более ранних картах 1817 г. и 1831 г. Большая и Малая Щемиловки показаны с застройкой в начальных своих частях, но без названия.

Монографическая карта окрестностей Санкт-Петербурга Шуберта 1831 г.

Необычна для Петербурга начальная часть Большой Щемиловки — искривлённая, примыкающая под острым углом к Шлиссельбургскому проспекту. На форму этой улицы, неожиданную для поселений городского типа, ещё в 1914 г. обратил внимание инженер Рынин, составлявший план села Фарфорового завода¹.

¹ РГИА Ф. 468. Оп. 27. Д. 1600. Об урегулировании улиц местности селения Императорского фарфорового завода. 1914 г.

Почему же Большая Щемиловка была проложена именно так?

Для создания Порцелиновой мануфактуры, как назывался до 1765 г. Императорский фарфоровый завод, в 1744 г. был выбран участок на земле Невских кирпичных заводов, заложенных ещё при Петре I. Первые здания мануфактуры расположились в углу, образованном Невой и впадающем в него ручьём, вблизи церкви Преображения Господня, вдоль Шлисельбургского тракта².

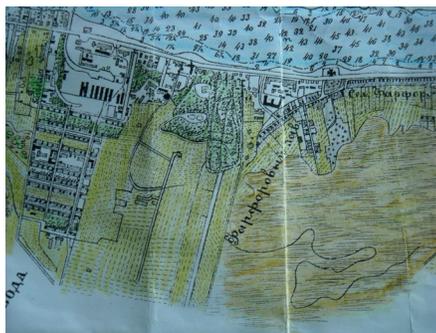
На плане 1767 г. есть название упомянутого ручья: Миккель³. Оно созвучно названию населённого пункта, обозначенного на шведской карте 1701 г.: Miskeljefwo⁴.

На более поздних картах названия этого ручья нет, но видно, как год от года всё дальше от устья застраивался, в основном, его левый берег, который со временем стал называться улицей Большой Щемиловкой, и ответвлением от неё — получившим наименование Малая Щемиловка.

Имеются свидетельства, позволяющие утверждать, что улица

Большая Щемиловка называлась так уже с середины XIX в. Например: художник Фёдор Иванович Красовский строит на улице Большой Щемиловке свой двухэтажный деревянный дом⁵, который показан на карте⁶ середины XIX в. и уже в 1893 г. требовал восстановления, как «*совершенно разрушившийся*»⁷.

На карте 1864 г. обе улицы показаны уже довольно плотно застроенными, при этом Большая Щемиловка продолжается не далее поворота на трассу современной Фарфоровской улицы.

Улицы Большая и Малая Щемиловки на карте 1864 г. (Атлас реки Невы от Санкт-Петербурга до Ладожского озера. 1864)

² Императорский фарфоровый завод 1744–1904. СПб., 1906. С. 13, 33.

³ РГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 690. План части левого берега Невы с обозначением черепичных, кирпичных и фарфоровых заводов. 1767 г.

⁴ Гиппинг А. И. Нева и Ниеншанц. Приложение. М., 2003. Л. 10, 10А.

⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 12. Д. 1432. Проект деревянного дома для художника Фёдора Красовского в улице Щемиловке при Императорском фарфоровом заводе.

⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 2. Д. 719. Генеральный план завода. Архитектор Бравур А. А. Середина XIX в. (По уточнённым данным – между 1853 и 1859 гг.).

⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2209. По просьбе наследников умершего художника Ф. Красовского о разрешении произвести строительные работы по дому их на участке №78 в селении Фарфорового завода. Л. 1.

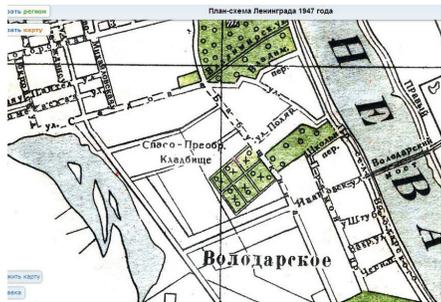
Там, где на карте 1913 г. показана прямая, западная часть Большой Щемиловки, совпадающая с направлением нынешней Фарфоровской улицы, до конца XIX в. строений не было. Эта часть стала застраиваться немецкими колонистами, арендовавшими земли Императорского фарфорового завода с 1848 г.⁸, поэтому арендованные земли вместе с этой частью Большой Щемиловки на картах называются *Фарфоровой колонией*.

На картах 1933 и 1934 г. улицы Большая и Малая Щемиловки ещё представлены под прежними названиями. На карте 1947 г. они также есть, но уже как улицы *Седова* и *Полярников*⁹.

На карте 1977 г., как и на современных, этих улиц нет. Часть позднего, прямого, западного участка бывшей Большой Щемиловки вместе с соединявшей его с проспектом Обуховской Обороны бывшей

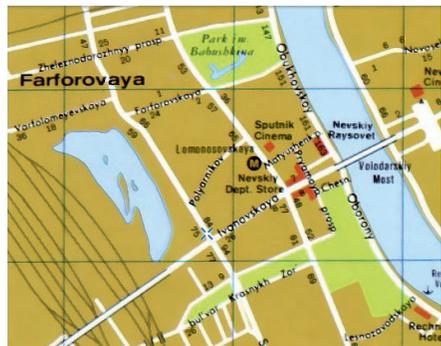
Новый план Ленинграда 1934 г.

План-схема Ленинграда 1947 г.

План Ленинграда 1933 г. Гублит.

Карта улиц Ленинграда издания ЦРУ. 1977 г.

⁸ РГИА Ф. 468. Оп. 12. Д. 343. Дело с историческими сведениями об императорских заводах и фабриках с отчётами и со историей заводов. 1856 г. Л. 114об.

⁹ Подробнее об этом переименовании см.: Рысев С. Е. Ущемлённая Щемиловка // Новый топонимический журнал. 2013. № 4. С. 41, 42.

Владимирской улицей называется теперь Фарфоровской улицей. На месте начальной, под углом подхвдившей к бывшей Шлиссельбургской дороге части Большой Щемиловки, почти по всей её длине ныне располагаются корпуса фарфорового завода и завода оптического стекла.

В некоторых краеведческих изданиях встречается утверждение о том, что эта местность получила своё наименование от деревни Щемиловки и речки Щемиловки в районе Фарфорового завода. Однако деревни с таким официальным названием в данной местности никогда не было. Такая деревня в Санкт-Петербургской губернии существовала только в Новоладожском уезде, да и то под тройным названием: «Щемиловка, что Кондега и Заложком Нива тож»¹⁰.

В статье «Ущемлённая Щемилловка» Сергей Евгеньевич Рысев делает следующий вывод: «местное население окрестило улицу Щемилловкой потому, что участок земли между ней и рекой Невой оказался как бы заземлённым, то есть **сдавленным, сжатым или стиснутым, согласно толковым словарям русского языка**»¹¹.

Название «Щемилловка» не оригинально, оно встречается во многих областях России. Так, в Алтайском крае есть река Большая Щемилловка (Сосновенький лог);

улица Щемилловка есть в Костроме, а также в Ярославле; деревня Щемилловка была в Шумячском районе Смоленской области и т. д.

Можно предположить, что название «Щемилловка» происходит от фамилии Щемиллов. Однако за пятнадцать лет работы с архивными документами, связанными с генеалогией жителей местности Фарфорового завода, мне такая фамилия не встретилась.

Вероятно, это распространённое название связано с рельефом местности: имеется в виду либо овраг или ущелье, по дну которого протекает река или ручей, либо пространство между двумя речками (ручьями) или речкой (ручьём) и дорогой. Получается, что решение загадки этого названия — дело лингвистов.

Название Щемилловки, как местности, отмечено с начала строительства Щемилловского жилмассива на землях Фарфоровой колонии, расположенных вдоль поздней, западной, части улицы Большой Щемилловки.

Очень быстро, в связи с застройкой близлежащих земель, оно распространилось и на всю территорию бывшего села Фарфорового завода: улицы Седова, Поляриников, Ивановскую и Кладбищенскую улицы (последняя ныне входит в состав улицы Бабушкина). Но происходящее сейчас перенесение этого названия на район ренова-

¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 190. Оп. 9. Д. 756. О выкупе крестьянами г. Зотова отведённых им наделов в селе Щемилловке, Кондега Заложком Нива тож. 1869–1871 гг.

¹¹ Рысев С. Е. Указ. соч. С. 38.

ции у станции метро «Пролетарская», на месте бывшего большого и славного села Александровского, воспринимается старожилами этих мест как пренебрежительное и невежественное отношение к истории Петербурга. Когда-то село Александровское дало название целому пригородному участку Санкт-Петербурга. Этот участок располагался на двух берегах Невы и включал в себя не только окрестности нынешней станции метро «Пролетарская», но и село Рыбацкое, и Куракину дачу, и Ново-Саратовскую колонию, и Весёлый Посёлок на правом берегу Невы¹².

Присмотримся к рельефу местности вокруг Императорского фарфорового завода в районе проспекта Обуховской Обороны.

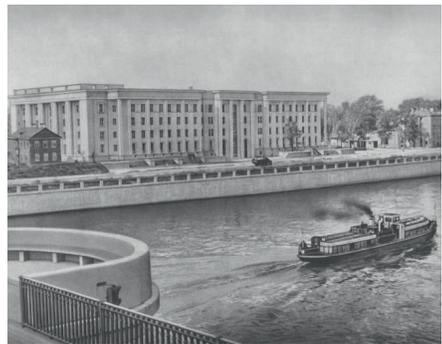
Здание администрации Невского района, построенное по проекту архитекторов Игоря Ивановича Фомина и Евгения Адольфовича Левинсона в конце 1930-х гг., воспринимается нами, как стоящее на стилобате. Этот архитектурный приём делает его устойчивым и величественным. Однако, фотографии этого места 1930-х гг. показывают, что стилобат этот — архитектурно оформленная часть природной террасы на берегу Невы. Другие части этой же террасы — два приподнятых над проспектом Обуховской Обороны сквера, расположенных по обе стороны Володарского моста на левом берегу Невы, а

также ближайшая к мосту угловая часть парка Куракина дача.

Похоже, что ручей под названием *Миккель*, когда-то впадавший в Неву, прорезал эту террасу и имел крутые берега.

Вид со строящегося Володарского моста на проспект Крупской (так некоторое время называлась часть нынешнего проспекта Обуховской Обороны, бывшего проспекта села Фарфорового завода, а ещё раньше — части Шлиссельбургского проспекта). 1935–1936 гг.

Дом Володарского районного совета (ныне администрация Невского района). 1950 г. На этой фотографии деревянный двухэтажный дом слева — тот же, что на предыдущей в середине снимка

¹² Весь Петроград на 1916 г. С. 465–470; ЦГИА СПб. Ф. 262. Оп.49. Д. 109. План Александровского участка Санкт-Петербурга 1916 г.

Следует иметь в виду, что рельеф местности, особенно в черте города, со временем может сильно изменяться. Например: до постройки дома под названием «Александр Невский», при въезде в Рыбачьё, на его месте была довольно глубокая низина, по дну которой протекала речка Мурзинка. В настоящее время никаких следов низины на этом месте увидеть нельзя.

Прогоуляемся по исторической Щемиловке и посмотрим на некоторые её достопримечательности.

Щемиловский жилмассив был построен в 1929–1932 гг. по проекту архитекторов Григория Александровича Симонова и Тамары Давыдовны Кацленбоген в стиле весьма лаконичного конструктивизма¹³. Он состоит из нескольких, в основном, четырёхэтажных зданий. Замыкается жилмассив пятиэтажным дугообразным домом длиной около 350 м. В середине этого здания, называемого в народе «колбасой», для прохода и проезда предусмотрена широкая подворотня.

На углу Фарфоровской улицы и улицы Бабушкина есть старинное здание, привлекающее внимание, но оставляющее впечатление чего-то незаконченного.

История этого здания такова. В конце XIX в. за Невской заставой проживало около 15 тысяч католиков. Они были прихожанами костё-

ла св. Екатерины, что на Невском проспекте.

18 ноября 1906 г. по ходатайству католиков — жителей района под строительство храма был выделен участок на углу Кладбищенской улицы и Большой Щемиловки. В сентябре 1907 г. храм был заложен. Строили его по проекту архитектора Стефана Петровича Галензовского. Храм строился долго из-за нехватки средств. В 1914 г. в недостроенном храме начались службы, однако его освящение произошло только в 1917 или 1918 г. Башни-колокольни так и остались недостроенными. Однако, даже и в недостроенном виде этот храм раньше выглядел гармоничнее. Это видно при сравнении фотографий 1934 г. и современной. Особенно испорчена крыша, которая была когда-то высокой, да и множество архитектурных деталей либо изуродовано, либо утрачено вовсе.

В 1936 г. после пожара храм был опечатан и закрыт. Долгие годы здесь размещались разные организации. Здание было сильно перестроено, в нём были сделаны внутренние перекрытия, разделившие его на четыре этажа. И лишь в 1993 г. первый этаж и половина второго этажа были переданы католической общине¹⁴.

В последние годы храм восстанавливается: после снятия

¹³ Первушина Е. Ленинградская утопия: авангард в архитектуре Северной столицы. СПб., 2012. С. 77–78.

¹⁴ Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга Т. 3. СПб., 1996. С. 227.

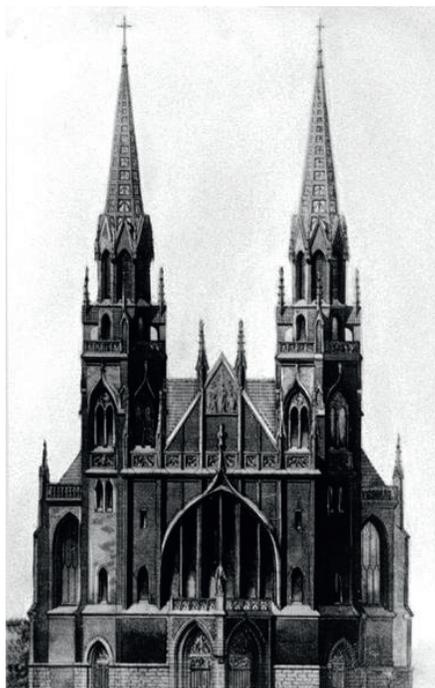

перекрытий открылся его величественный внутренний объём, на нескольких стрельчатых окнах появились великолепные фигурные переплёты. Однако восстановление храма происходит очень медленно из-за недостатка средств у маленькой церковной общины.

Главной улицей селения Императорского фарфорового завода всегда был Шлиссельбургский проспект, ныне — проспект Обуховской Обороны. С середины XIX в. проспект разделялся на отдель-

*Костёл Святейшего Сердца Иисусова на Щемиловке. 1934 г.
Справа — дома Щемилковского жилмассива.
Центральный государственный архив
кинофотофонодокументов
Санкт-Петербурга*

*Костёл Святейшего Сердца Иисусова.
Фрагмент проекта*

Современный вид костёла Святейшего Сердца Иисусова

ные участки с названиями, соответствующими именам располагавшихся вдоль него селений. На каждом из участков была своя нумерация домов¹⁵.

Сохранилась картина Бенджамина Патерсена 1793 г. с видом Шлиссельбургского проспекта (тогда ещё тракта) в окрестностях Фарфорового завода. Однако ху-

¹⁵ Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга. 15000 городских имён / Под ред. А. Г. Владимировича. СПб., 2013. С. 317–318.

дожник, вероятно ради создания более живописного вида, вводит нас в заблуждение.

На картине изображён берег Невы и дорога, идущая вдоль берега, с точки обзора, соответствующей начальной части нынешнего Володарского моста или существовавшей тогда колокольни церкви Преображения Господня, то есть выше здания Фарфорового завода по течению Невы. На середине снимка заметен небольшой подъём, который виден и на картине.

На другой стороне дороги изображены здания, расположенные гораздо ниже по течению Невы, а именно сам завод и ряд других, принадлежащих состоятельным землевладельцам. На самом деле на этом месте стояли деревянные дома, в которых жили мастера и мастеровые кирпичного и фарфорового заводов. Об этом свидетельству-

ет планы 1767 и 1805 гг.¹⁶. К тому же с этой точки не видно поворота Невы, где на картине изображены два парусника. Зато отсюда на береговой части дороги была видна церковь Преображения Господня, которой на картине нет.

Производственными и жилыми зданиями застраивалась только правая сторона Шлиссельбургского проспекта села Фарфорового завода. Из старинных зданий сейчас здесь сохранилось только главное здание Императорского фарфорового заво-

Б. Патерсен. Окраина Петербурга у Фарфорового завода. 1793 г.

Современный вид главного здания ИФЗ

То же здание в конце XIX в.

¹⁶ РГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 690. План части левого берега Невы с обозначением черепичных, кирпичных и фарфоровых заводов. 1767 г.; РГИА. Ф. 485. Оп. 2. Д. 736. Планы земельных участков, отведённых фарфоровому заводу. 1805 г.

да, построенное в конце XVIII в. по проекту архитектора Сергея Прокофьевича Берникова. Управлял заводом в это время князь Александр Алексеевич Вяземский.

Лет десять назад ещё сохранялся дом, когда-то стоявший на углу Шлиссельбургского проспекта и Большой Щемиловки, с современным адресом: проспект Обуховской Обороны, 161. Теперь на его месте построено новое офисное здание.

Левая сторона Шлиссельбургского проспекта в селе Фарфорового завода — это берег Невы. Здесь, при кирпичных заводах, в 1713 г. «из казны Его Императорского Величества» была построена деревянная церковь Преображения Господня¹⁷.

Она неоднократно перестраивалась, и с середины XIX в. стала называться «церковью при Фарфоровом заводе» или просто «Фарфоровской».

Вид Фарфоровской церкви. Конец XIX в.
Фрагмент рисунка И. Ф. Тюменева

При церкви издавна существовало приходское Преображенское (позже — Фарфоровское) кладбище. Самая ранняя, небольшая часть кладбища располагалась на мысу правильной прямоугольной формы, вероятно, насыпном¹⁸.

На сохранившемся рисунке художника Ильи Фёдоровича Тюменева и фотографиях Преображенской церкви конца XIX — начала XX вв. мы видим храм таким, каким он стал после перестройки 1845–1846 г. Более ранних изображений пока не найдено.

Приходское кладбище при Преображенской церкви располагалось сначала у самого храма, но ещё в XVIII в. перешагнуло за Шлиссельбургский тракт. Со временем оно всё больше разрасталось в западном направлении.

На кладбище хоронили прихожан храма: рабочих и служащих кирпичных и фарфорового заводов, крестьян окрестных селений. Для жителей правого берега Невы, бывших прихожанами Преображенской церкви, было устроено своё кладбище с деревянной часовней, приписанной к этому храму. На старом Фарфоровском кладбище было похоронено и немало знаменитых петербуржцев: князя Лобановы-Ростовские, Татищевы, Гагарины, Гурьевы,

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 874. О построении при невских кирпичных заводах вместо обветшавшей деревянной церкви Преображения Господня вновь каменной с приделами пророка Илии и Николая Чудотворца. 1731–1733 гг.

¹⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1381. По ходатайству причта Преображенской фарфоровской церкви о недопущении при переустройстве пути Невской пригородной конно-железной дороги пролагать путь по проспекту между храмом и кладбищем. 1912. Л. 8.

Муравьевы, писатель Панаев со своей матерью и другие.

В 1902 г. к кладбищу прирезали очередные три десятины земли с целью построить там церковь «для заупокойных богослужений, дабы не стеснять богомольцев главного приходского храма». Проект небольшого шатрового храма в русском стиле безвозмездно выполнил академик Александр Фёдорович Красовский. По рисунку Красовского был изготовлен и фарфоровый иконостас, царские врата в котором сделали из чеканной меди. Новый храм был освящён в 1912 г. во имя Сошествия Святого Духа.

Церковь Сошествия Святого Духа на Фарфоровском кладбище. 1930-е гг.

Фарфоровское кладбище закрыли через несколько лет после революции 1917 г. Преображенскую церковь закрыли летом 1932 г. и снесли, как «мешавшую движению транспорта и попадавшую в зону строительства Володарско-

го моста», хотя она и была памятником архитектуры.

Старое кладбище разорили, только могилу И. И. Панаева перенесли на Литераторские мостки, да два надгробных памятника (Н. П. Казадаевой и Н. А. Саблукову) и несколько фарфоровых табличек попали в Музей городской скульптуры¹⁹.

«Новое» Фарфоровское кладбище с церковью в заброшенном виде существовало ещё до 1960-х гг., когда началось строительство станции метро «Ломоносовская». В здании церкви Сошествия Святого Духа, закрытой в 1938 г., в годы Великой Отечественной войны устроили морт, сюда привезли во время блокады и моих родственников. Из этого морга тела умерших развозили на захоронение в разные места. Позже здание церкви использовалось для разных мелких производств.

Ныне на месте старого кладбища заканчивается строительство нового торгового центра на месте кинотеатра «Спутник» и находится часть виадука с трамвайными путями, поворачивающими с проспекта Обуховской Обороны на Володарский мост. На месте «нового» кладбища после появления станции метро «Ломоносовская» устроили сквер.

Сейчас Русская Православная церковь собирается восстановить храм Сошествия Святого Духа. На

¹⁹ Исторические кладбища Санкт-Петербурга. СПб. 1993. С. 555–556; Антонов В. В., Кобак А. В. Указ. соч. С. 189.

месте сохранившегося его фундамента произведены раскопки. Собраны архивные материалы для проектирования, идёт поиск спонсоров и сбор пожертвований для осуществления этой идеи.

Набережная Невы в селе Фарфорового завода обустроивалась только напротив заводских зданий. Она была деревянной. Здесь же в 1901 г. для жителей села была устроена купальня²⁰. В том же году набережная так сильно пострадала от ледохода, что в некоторых местах пешеходная дорога обвалилась. На ремонт потребовалось более четырёх тысяч рублей²¹.

В 1930-е гг., в связи со строительством Володарского моста, набережная была облицована камнем, обустроена. В настоящее время она пребывает в печальном состоянии и

требует не просто ремонта, а скорее всего — реконструкции.

Уличное освещение в 1880 г. уже существовало на всём протяжении Шлиссельбургского проспекта до села Рыбацкого. Только участок проспекта, проходивший через территорию села Фарфорового завода, всё ещё оставался неосвещённым, так как руководство завода не желало на это тратить деньги. В 1869 г. директор Фарфорового завода Ренненкампф обосновывал свой отказ в устройстве уличного освещения так: *«... потому что местность, в которой располагается завод, исключительно наполненная рабочими людьми, так как они должны днём работать в заводах определённые часы, остальное время полагается им для отдыха и никак не ночного разгула...»*²².

В 1878 г. на Шлиссельбургском проспекте появилась конная железная дорога. Скоро она дотянулась до деревни Мурзинки. Со временем конная тяга была заменена паровой, а потом и электрической.

При прокладке рельсов конной железной дороги в селе Фарфорового завода пришлось уничтожить устроенные здешними домовладельцами погреба-ледники на берегу Невы. Владельцам погребов

*Смотровая площадка на набережной напротив фарфорового завода.
Архивная фотография*

²⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 639. Об устройстве бани и купальни для рабочих Императорских заводов. 1901–1902 гг.

²¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 637. Об устройстве деревянной набережной на берегу р. Невы против зданий Императорских заводов. 1901–1902 гг.

²² РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 1402. Относительно освещения фонарями селения завода. 1869–1881 гг.

выплатили при этом денежную компенсацию²³.

На генеральном плане середины XIX в. показана кривоватая, мало застроенная улица, которая позже была обустроена и получила название *Прямого проспекта*²⁴. Этот проспект в укороченном виде существует и ныне, только дома, выходящие на него фасадами, имеют адреса по улице Бабушкина и Ивановской улице. На Прямом проспекте сохранилось одно дореволюционное здание. Оно построено в начале XX в. для Императорского женского патриотического общества ведомства императрицы Марии — школы имени принца Петра Георгиевича Ольденбургского. Когда-то оно имело адрес: Прямой проспект, 1²⁵, а сейчас числится по улице Бабушкина, 42, корпус 4. После неоднократных надстроек и пристроек изменился и первоначальный внешний вид здания. Сильно исказили его облик белые пластиковые окна, установленные

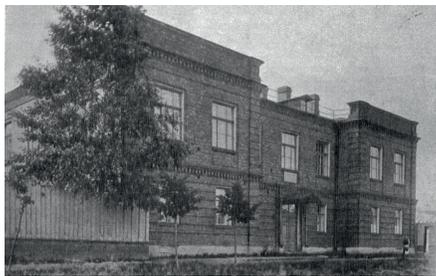
несколько лет назад. В советское время до 1970 г. здесь помещалась школа с углубленным изучением физики и математики № 344. Ныне здесь помещаются подразделения администрации Невского района.

В XIX в. в селе Фарфорового завода строились, в основном, деревянные дома, что способствовало частым пожарам. Для защиты от них потребовались проезды к Прямому проспекту от Шлиссельбургского.

В качестве таковых со временем появились *Ивановская улица, улица Штубе, Вахрамеевский и Чесноков переулки*. Имя каждого из этих проездов связано с фамилией домовладельцев села Фарфорового завода.

Карл Людвиг Штубе, музыкант, артист Императорских театров, в 1841 г. купил у мастера ИФЗ Елисея Семенова Лифантьева деревянный дом с дворовыми строениями и огородом. Однако земля участка, на котором располагались строения, оставались собственностью Императорского фарфорового завода. Штубе мог продать свой дом только без земли и только с разрешения заводской администрации.

В 1852 г. от Штубе потребовали снести дом, чтобы можно было проложить проезд к Прямому проспекту. Штубе не торопился выполнять это требование и до 1855 г. пытался получить за свой дом

*Первоначальный вид здания школы
им. принца Ольденбургского*

²³ РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1381. По ходатайству причта... Л. 2–3.

²⁴ РГИА. Ф. 468. Оп. 2. Д. 719. Генеральный план...

²⁵ Весь Петроград на 1916 г. С. 486.

2000 руб. серебром, но заводской архитектор оценил дом только в 450 руб.

В конце концов, по распоряжению военного губернатора Санкт-Петербурга, дом был продан с публичных торгов за 196 руб. Так появилась улица Штубе²⁶.

Петр Михайлов Вахрамеев, ораниенбаумский мещанин двадцати семи лет, был по его просьбе в ноябре 1811 г. приписан к Императорскому фарфоровому заводу именованным высочайшим указом²⁷. Через десять лет он женился на дочери умершего художника Назара Козлова, Александре Назаровой²⁸.

Младший брат Петра, Матвей Михайлов Вахрамеев, также поступил на Фарфоровый завод и в 1824 г. женился на дочери резчика Кондрата Фёдорова, Анне Кондратьевой²⁹.

Таким образом, оба брата породнились с местными фамилиями, стали мастерами скульптуры и построили себе дома на казённой земле в селе Фарфорового завода. Пётр дослужился до чина титулярного советника. И Пётр, и Матвей оставили многочисленное потомство, однако на заводе остались работать только сыновья Матвея, а сыновья Петра

служили в Третьем департаменте государственных имуществ.

В августе 1871 г. во время пожара сгорели два дома: наследников титулярного советника Вахрамеева и мастера обжигов белого фарфора Гельстема. Этот случай был использован *«для расширения переулка, называемого Вахрамеевским, так как он необходим для пресечения огня в случае пожара и сообщения живущим в отдалении от Невы»*³⁰.

Пётр Прокофьев Чесноков прослужил камердинером императрицы Александры Фёдоровны более тридцати пяти лет. В 1859 г. за свою службу он был награждён участком земли в Царском Селе и деньгами на постройку дома в сумме 8572 руб. По его просьбе место для постройки дома было изменено на село Фарфорового завода. Здесь, у самой границы земель завода и Куракиной дачи, на Шлиссельбургском проспекте, он построил двухэтажный деревянный дом.

Участок земли был отведён Чеснокову в вечное и потомственное пользование, но не во владение, для постройки на нём именно жилого дома, а не какого-либо фабричного или торгового заведения.

²⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 357. Относительно покупки заводом дома, принадлежащего отставному артисту Театральной дирекции иностранцу Людвигу Штубе. 1852–1855 гг.

²⁷ РГИА. Ф. 468. Оп. 33. Д. 333. О причислении к фарфоровому и стеклянному заводам людей. 1811 г.

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 39. Оп. 1. Д. 16. Книга брачных обысков Фарфоровской церкви 1816–1831. Л. 35.

²⁹ ЦГИА СПб. Ф. 39. Оп. 1. Д. 16. Л. 49об.

³⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 1454. Об исключении из капитала завода казённого дома № 42 и бывшей мастерской художника Боссе, сгоревших 15 августа 1871 г.

Вскоре после постройки дома Чесноков обнаружил, что получить ожидаемых доходов от арендаторов квартир в своём доме он не может, так как дом находился на самом краю селения. Он стал просить о передаче выделенного ему участка земли в полное потомственное владение, чтобы продать дом вместе с землёй, но получил отказ.

При рассмотрении просьбы Чеснокова обнаружилось, что он занял не только выделенный ему участок земли, но и соседний, крайний в селе участок, за который не вносил арендной платы.

Смерть Петра Чеснокова не избавила его вдову Веру Фёдоровну от претензий по поводу самовольного захвата заводской земли. Тутто и выяснилось, что в документах на аренду участка была допущена курьёзная ошибка. При проверке землемером обозначенного на плане участка его площадь оказалась равной 4964 кв. сажени. В договоре же числилось только 2700 кв. сажень, за которые Чесноковы и платили арендную плату много лет.

Вопрос о принятии решения в такой необычной ситуации рассматривался юриконсультлом министерства Императорского двора. Он вынес заключение: отобрать у вдовы излишки, не предъявляя ей претензий о многолетних недоимках, так как неоплаченные излишки

земли за время их использования были окультурены — выровнены и удобрены. Однако по прошению вдовы Чесноковой ей оставили эти излишки с условием, что она будет в дальнейшем вносить за них плату³¹.

От Вахрамеевской улицы и улицы Штубе сейчас следов не осталось, а от Чеснокова переулочка осталась дорожка в нынешнем парке Куракина дача. Она проходит от проспекта Обуховской Обороны на запад, в сторону бульвара Красных Зорь, до пересечения с широкой срединной дорожкой парка, проходящей с севера на юг. Эта дорожка и есть южный, утраченный участок Прямого проспекта.

Дата появления Ивановской улицы неизвестна. Ориентировочно можно назвать период с середины 1850-х гг. до 1870 г. Очевидно, она получила наименование от фамилии мастера Иванова, участок которого под № 53 обозначен на генеральном плане середины XIX в.³². Иванов — фамилия слишком распространённая, поэтому пока не удалось установить, кто именно был тот мастер Иванов, арендовавший этот участок заводской земли.

Первое найденное в архивных документах упоминание об Ивановской улице относится к 1871 г. В этом году в очередной раз участились случаи заболевания холерой, и встал вопрос об устройстве

³¹ РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 998. Об отдаче камердинеру императрицы Александры Фёдоровны 12 класса Чеснокову участка земли, принадлежащего фарфоровому заводу. 1859–1879 гг.

³² РГИА. Ф. 468. Оп. 2. Д. 719. Генеральный план...

холерной больницы. Для этого на землях ИФЗ был выбран участок «...за заводским селением, против Ивановской улицы, в одной линии с домами Прямого проспекта, идущего параллельно с Шлиссельбургским шоссе в расстоянии 150 сажень от него. Ивановская улица шоссирована, а предполагаемое место значительно возвышено и отдалено от жилых строений»³³.

Итак, первоначально Ивановская улица была совсем короткой — от нынешнего проспекта Обуховской Обороны до Прямого проспекта. В 1912 г. её продлили до Кладбищенской улицы, а в 1936 г., после постройки Володарского моста, когда здесь началось новое строительство — до Московской железной дороги.

По проекту застройки в новой части Ивановской улицы предусматривалась постройка комплекса из восьми домов — по четыре на каждой стороне улицы. Дома были однотипными, но не одинаковыми. Для того времени они были весьма импозантными, да и сейчас, если их привести в должное состояние, они выглядели бы очень стильно. Авторами комплекса Ивановской улицы были архитекторы Игорь Иванович Фомин, Евгений Адольфович Левинсон, Сергей Иванович Евдокимов и Софья Сергеевна Пясковская³⁴.

От Шлиссельбургского проспекта отходили также: *Школьный пе-*

реулоч — до школы имени принца Ольденбургского; *Колокольный переулоч* — до улицы Большой Щемиловки, вдоль границы кладбища; и упомянутая выше Владимирская улица — также до улицы Большой Щемиловки, вблизи северной границы заводской земли и земель частных владельцев.

Школьный переулоч в 1915 г. переименовали в *Патриотический*. Однако в 1923 г. ему возвратили прежнее название. В 1917 г. переулоч продлили до Кладбищенской улицы. В 1939 г. его снова переименовали — теперь уже в честь Афанасия Николаевича Матюшенко, унтер-офицера Черноморского флота, одного из руководителей восстания на броненосце «Потёмкин». После Великой Отечественной войны переулоч продлили в западном направлении и вывели углом на улицу Полярников. В 1998 г. из состава переулочка была исключена часть, перпендикулярная основной его части. Она получила название *Сомова переулочка*³⁵.

Происхождение названия Колокольного переулочка очевидно — он начинался почти напротив колокольни Фарфоровской церкви. Ныне он уже не существует. Происхождение названия Владимирской улицы, вошедшей в 1975 г. в состав Фарфоровской, пока не выяснено.

³³ РГИА. Ф. 468. Оп. 10. Д. 1446. Об отводе Министерству внутренних дел временно участка земли для устройства на нём холерного барака.

³⁴ Ленинград: путеводитель. Л., 1977. С. 245; Окраина, похожая на центр // Квартальный надзиратель. № 77.

³⁵ Большая топонимическая энциклопедия Санкт-Петербурга. С. 265.

НАЗВАНИЯ МАЛЫХ ВОДОЁМОВ САДОВ И ПАРКОВ ПЕТЕРБУРГА

Названия водоёмов, находящихся в садах и парках Петербурга, практически никогда не попадают в топонимические справочники. Поэтому сегодня мы обратим внимание именно на них,

Начнём с самого старого петербургского сада — Летнего, который в 2013 г. после реконструкции изрядно изменился. Но неизменным остался *Карпиев пруд*. Он был создан в 1714–1716 гг. Как видно из названия, он предназначался для разведения карпов, но в то же время должен был выполнять и мелиоративную функцию. Тогда были устроены ещё *Форелиев*, *Мельничный* и *Цветочный пруды*, но они не сохранились.

Вокруг Карпиева пруда всегда много людей, ведь традиционно в нём живут белый и чёрный лебеди, о которых напоминает название Лебязьей канавки, ограничивающей Летний сад с запада. Впрочем, Лебязья канавка — это уже объект городской среды, поэтому вернёмся в парковую зону.

Пожалуй, самый богатый и интересный с точки зрения топонимики — это, конечно, Шуваловский парк. Названия *прудов Копеечка* и *Туфелька* говорят сами за себя. Копеечка — это совсем маленький прудик, а Туфелька имеет вытянутую форму и действительно напоминает дамскую туфельку. Рядом с Конным двором находится *Конный*

Карпиев пруд

пруд, вблизи церкви Петра и Павла, выстроенной в готическом стиле в 1841 г. Александром Брюлловым — *Церковный*. Тут тоже всё понятно.

А вот *пруд Звезда*. Казалось бы, он должен иметь соответствующую форму. Но он такой же круглый, как и Копеечка, зато от него отходят в разные стороны десять дорожек, вроде лучей. Оттого он и получил такое имя.

Конечно же, самые знаменитые в Шуваловском парке — это *пруды Шапка Наполеона* и *Рубаха Наполеона*. Они расположены у подножия горы Новый Парнас. Но при чём здесь Наполеон? Дело в том, что Павел Андреевич Шувалов, участник Отечественной войны 1812 г., после низвержения французского императора сопровождал последнего в ссылку и, по некоторым сведениям, спас Наполеона от самосуда разъярённой толпы. За это Наполеон подарил ему саблю, которая до 1917 г. хранилась в шуваловской усадьбе. Затем следы её потерялись. Она попросту исчезла после Февральской революции.

Ну, а в память об этом событии двум соединяющимся прудам и были приданы формы одежды Наполеона. Сегодня это любимое место окрестных жителей.

В позапрошлом веке на Выборгской стороне возник и парк, который мы сейчас знаем как парк Лесотехнической академии. Его появление связано с Лесным или, как он ещё назывался, Межевым институтом. Министр финансов Егор Францевич Канкрин в 1827 г.

спроектировал для этой местности целую систему водоёмов. Естественно, до нашего времени все водоёмы и каналы не сохранились, тем не менее, в парке и сейчас есть *Цветочный пруд*, имя которого связано с цветочными грядками. *Длинный пруд* вытянулся с юга на север, как жердь. *Сердобольский* расположен у Большого Сампсониевского проспекта и перенял название улицы, которая начинается от проспекта недалеко от пруда.

Интересно название *Иорданского пруда*. В 1834 г. в парке была устроена церковь Происхождения честных древ креста Господня и всемилостливого Спаса. До 1917 г. храмовым праздником Лесного института считался день 1 августа. Сюда направлялся крестный ход и совершалось омовение в пруду. На берегу была выстроена беседка Иордан.

После Великой Отечественной войны, 7 октября 1945 г., в Ленинграде были заложены два парка Победы — Приморский и Московский. Правда, северо-западная часть последнего существовала ещё в 1912 г., а на всей территории парк начали обустройства в конце 30-х гг. как Северный (то есть находящийся севернее строившегося на современной Московской площади Дома Советов), но к началу войны работы закончить не успели и возобновили их уже по совершенно новому проекту.

В Приморском парке обратим внимание на *речку Чухонку*, которая целиком находится на территории парка и напоминает нам

о «приюте убогого чухонца», говоря словами Пушкина. Чухонцами у нас называли финнов, здесь располагалась так называемая Чухонская деревня.

В этом парке самый знаменитый *Лебяжий пруд*, в котором всегда много лебедей. Интересно название пруда *Мандолина*, в который превратили северную часть Чухонки. По форме он действительно напоминает музыкальный инструмент.

В Московском парке Победы несколько водоёмов. Ближе к проспекту Юрия Гагарина расположен *Восточный канал*, вдоль Кузнецовской улицы — *Северный*. Эти названия были даны по географическому принципу. Имена прудов, которые появились на месте карьеров, даны, в общем-то, произвольно, но призваны напоминать всем о воинской славе страны. Таковы *Корабельный*, *Адмиральский*, *Капитанский*, *Матросский пруды*. О мирном отдыхе говорят названия *Пейзажного* и *Фонтанного*

прудов, у берегов которых, тем не менее, находятся памятники двум легендарным героям Великой Отечественной войны — Александру Матросову и Зое Космодемьянской. В старой части парка сохранился *Фигурный пруд* с несколькими островами, где любят селиться водоплавающие птицы.

Возле детского городка, где сейчас устроен так называемый Гагарин-парк, расположен *Детский пруд*. До 2003 г. здесь существовал детский пляж.

Самое оригинальное название пруда — *Очки*. Пруд в западной части парка действительно имеет форму очков, вдобавок уровень воды в нём примерно на метр выше, чем во всей остальной водной системе.

Сегодня мы совершили небольшую топонимическую прогулку по садам и паркам Петербурга, не затронув пригороды, где тоже есть немало интересных гидронимов. Надеемся, что напишем о них в следующий раз.

Лебяжий пруд

ПАМЯТНИК СТРОКЕ ПОЭТА

«...нас всех подстерегает случай, рассудок все опустошил...» (А. Блок). Почти на этих днях, копаясь в закромах своей старательской картотеки в поисках цитаты или выписки для вечера из цикла «Физики и Лирики» в «Книжной лавке писателей», я совершенно случайно наткнулся на изрядно выцветшую газетную вырезку с большим убористым текстом из «Василеостровской газеты», посвящённым О. Э. Мандельштаму. Причем и даты и название газеты были написаны кем-то от руки. И тут, подобно вспышке магии, мне бросилась в глаза первая печатная строка текста: *«...12 января на Васильевском острове произошло событие мирового масштаба...»* и две фотографии... На одной из которых я узнал самого себя и чуть поодаль стоящего рядом со мной, бок о бок у стены какого-то дома поэта Александра Семёновича Кушнера. И как в детской игре — замер! Перечитав весь текст, в котором его автору, незаурядному знатоку творчества Мандельштама — театроведу и критику Борису Яковлевичу Майзелю удалось найти почти все адреса в Ленинграде, связанные с личной жизнью и творчеством Осипа Мандельштама, я вдруг совершенно реально (ровно, как стоявшего рядом на моем рабочем столе стакана с дымящимся горячим чаем в подставке) «увидел» до мелочей всю

картину того самого январского дня и того самого **«события мирового масштаба»**, которого я был не только участником а прямо-таки — закорпёрщиком. Более того, скажу, что я почувствовал сильнейшее желание, что называется, «с колёс» пережить вместе с Вами, друзья мои, заново этот день, который и в самом деле, тогда, в ту эпоху, был действительно событием мирового масштаба.

«Я вернулся в мой город...»

12 января 1991 г. в нашем городе (еще Ленинграде) на старинном фасаде дома № 31 по 8-й линии Васильевского острова была торжественно открыта мемориальная доска, посвящённая Осипу

Мандельштаму. Причем не самому Поэту, а одному из его самых ленинградских, щемящих, пророческих стихотворений... И самое примечательное (точнее надо бы сказать «из ряда вон выходящее») — не всему его мемориальному тексту, а его заглавной строке: «Я вернулся в мой город, знакомый до слёз...». Забегая вперёд, скажу, что само стихотворение целиком было напечатано в «Литературной газете» 23 ноября 1932 г. (под названием «Ленинград»), почти через два года после его написания. Причина одна: стихотворение Мандельштама стало распространяться в списках, и потому власти решили предать его гласности, легализовать и тем самым выхолостить из него намёки и треволения, хотя сталинщина уже работала, только ещё не на всю катушку. И так случилось, что это была последняя публикация стихов Мандельштама под его подписью. Конечно, найдутся доброты — педанты и охранители мифических традиций — которые могли бы мне попенять (а то и окрикнуть), — а в чём дело, дата никакая не круглая и даже не кратная пяти.

Необходима, как воздух

И были бы правы, если бы это был, во-первых, не Осип Мандельштам, Муза которого (сменю думать) необходима человеку, как воздух; а во-вторых, если бы не это его самое ленинградское, высокой лирической ноты, стихотворение, заглавная строка которого (воистину «знакомая до слез») у каждого

из нас на устах... У кого — горит, у кого — печалится или теплится, а у иных комок в горле...

Говорю Вам серьезно и требую помнить (зарубить себе на носу), отложив в сторону нафталиновые календари и дряхлые пустые даты, — главное: Осип Мандельштам и его Муза, в любую «погоду» — был и останется одним из первой тройки выдающихся русских поэтов — зачинателей феноменального «Серебряного века». Рядом с Александром Блоком и Анной Ахматовой.

Тут я позволю себе и иному педанту-охранителю напомнить об одной прозаической заметке, впервые процитированной академиком В. М. Жирмунским в 1969 г. в журнале «Новый мир». Анна Андреевна Ахматова сказала: «Блока я считаю не только величайшим поэтом первой четверти XX века, но и человеком-эпохой, т. е. самым характерным представителем своего времени». Эти слова Ахматовой, сейчас, в нашу тревожную, обречённую неизлечимой фамиллярностью ко всему, что было нам дорого в пору девяностых, с абсолютной точностью можно (и должно) отнести как к самой Ахматовой, так и к Осипу Мандельштаму...

О доске и иже с нею

Несколько слов о доске. Да, именно сюда, в этот дом, в большую коммунальную квартиру, одну из комнат которой занимал младший брат поэта — Евгений Эмильевич (Женя) с женой, Саррой Лебедевой и их четырехмесячным

сыном, Юрием — в холодном, мёрзлом ленинградском декабре 1930 г. поселился Осип Мандельштам. Ему отвели угловатую каморку над чердаком, куда попасть можно было только с чёрного хода, с одним чердачным окном, откуда Поэт видел разбитый промозглый декабрём большущий двор, огромный извозничий сарай с возлежавшей посредине вычурной, отбитой по краям телегами и заваленной снегом и мусором огромной чашей фонтана, грустная картина, не правда ли? Нетрудно понять, что тот печальный «кандалный» мотив и весь тон стихотворения, полный намёков на грядущие трагические события (не мной замечено, что настоящие поэты, как кошки, первыми чувствуют приближение катастроф и тому подобных катаклизмов) навеян и этим чердаком, и разбитой щербатой чёрной лестницей без перил, по которой поэт спускался и понимался — подышать, и чашей фонтана, и одной единственной лампой под ржавым козырьком входной двери...

Первое, что мне бросилось в глаза, когда я с телевизионной камерой пришёл на этот двор и подошёл к этой дряхлой двери, — была эта, почему-то горевшая днём голая тусклая лампа на еле дышащем патроне над козырьком. Будто не прошло столько лет с июля 1990 г., когда в отделе культуры администрации Василеостровского района довольно скоро откликнулись на предложение одного из лучших (и по сей день) знатоков биографии Осипа

Мандельштама, врача по профессии Александра Григорьевича Меца (текст надписи и гениальная идея о строке тоже принадлежит этому человеку), которое в момент мы поддерживали в нашем Фонде Культуры, где я служил в штате (горжусь — по личному приглашению Дмитрия Сергеевича Лихачева).

И началась подготовка к этому празднику русской поэзии, к празднику в честь Осипа Мандельштама, русского поэта и петербуржца, умолкнувшего почти на столетие...

Я был счастлив...

Мы пришли в этот двор с биологом Юрием Евгеньевичем Мандельштамом, проводшим здесь все детские годы... И вот, только он — застенчивый, очень скромный человек — стал под эту лампочку над дверьми (я просил его для сюжета на камеру прочесть это стихотворение), как потерял дар речи, никак не мог сладить с собой и забыл текст. Такова истина, друзья мои, доброты и охранители традиций!

Итак, январь, 12 число, полдень. Ветер дул с Невы, — но не сильно, белое полотно с вышитой красной каймой слетело с доски весело и одним махом. Под «Турецкий марш» Моцарта, барабанившего во весь опор из моего личного диктофона, приставленного к стенке прямо у нас в ногах...

Дело — совершено. Праздник. Аплодисменты. Мы расступились, задрали затылки, снимали шапки и открылся текст, выбитый рукою резчика на розовом граните.

Алексеев Алексей Юрьевич

Выпускник факультета социальных наук Российского государственного педагогического университета (РГПУ) им. А. И. Герцена. Кандидат исторических наук. Ведущий библиотекарь Фундаментальной библиотеки императрицы Марии Фёдоровны при РГПУ им. А. И. Герцена. Постоянный автор газеты «Муниципальный вестник «Княжево», публиковался в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (темы статей — история юго-западных районов Санкт-Петербурга, городская топонимия), неоднократный участник районной краеведческой конференции «Встречи на Петергофской дороге». Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 2017 г.

Андрейчева Вера Фёдоровна

Окончила Ленинградский политехнический институт им. М. И. Калинина (ныне Санкт-Петербургский государственный политехнический университет). Член Русского генеалогического общества. Краевед, автор публикаций по истории Невского района Санкт-Петербурга, в том числе книг «Александровское, Мурзинка, Фарфоровый завод: Забытое об известном» (СПб., 2012) и «Малая Рыбная слобода, Уткина Заводь, Ключки и Киновия» (СПб., 2015).

Белодубровский Евгений Борисович

Окончил Московский литературный институт им. А. М. Горького. Библиограф, краевед. Автор и ведущий научно-популярной программы «Былое и думы». Член Координационного совета Санкт-Петербургского союза учёных и Союза писателей Санкт-Петербурга.

Ерофеев Алексей Дмитриевич

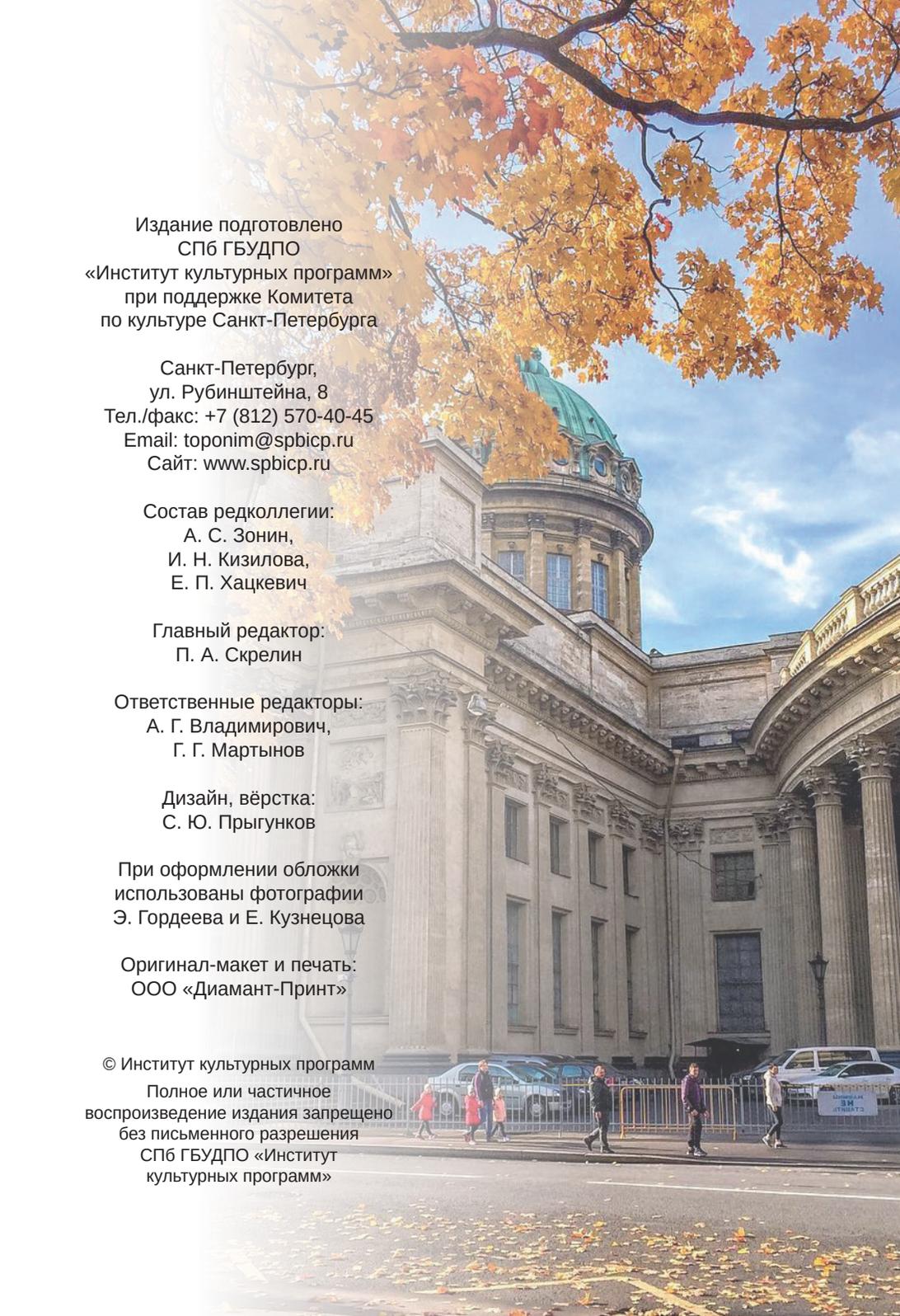
Журналист, краевед, собственный корреспондент «Парламентской газеты» по Петербургу и Ленинградской области. Автор многочисленных публикаций по истории города и проблемам культуры и транспорта, в том числе в газетах «Санкт-Петербургские ведомости», «Смена», «Экономика и время». В составе авторского коллектива «Топонимической Энциклопедии Санкт-Петербурга» удостоен Анциферовской премии 2003 г. Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 1991 г.

Рыжков Андрей Борисович

Окончил Санкт-Петербургскую государственную академию авиакосмического приборостроения (ранее Ленинградский институт авиакосмического приборостроения). Краевед, принимает активное участие в совершенствовании Реестра названий объектов городской среды Санкт-Петербурга, автор ряда публикаций в СМИ на топонимические темы. Один из авторов «Большой Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013). Член Топонимической комиссии Санкт-Петербурга с 2008 г.

Сизёнов Евгений Петрович

В 1994 г. окончил Санкт-Петербургский университет экономики и финансов. Автор нескольких книг по истории города Колпино, в том числе «История Колпина» (2007, в соавторстве), «Колпинцы. Историко-биографический справочник» (2009), «Топонимика исторического центра Колпина» (2009, в соавторстве), «Колпинские мосты» (2016), а также публикаций в газетах и журналах. Автор (совместно с Р. С. Иволгой) раздела «Колпинский район» в «Большой Топонимической энциклопедии Санкт-Петербурга» (2013).

Издание подготовлено
СПб ГБУДПО
«Институт культурных программ»
при поддержке Комитета
по культуре Санкт-Петербурга

Санкт-Петербург,
ул. Рубинштейна, 8
Тел./факс: +7 (812) 570-40-45
Email: toponim@spbicpr.ru
Сайт: www.spbicpr.ru

Состав редколлегии:
А. С. Зонин,
И. Н. Кизилова,
Е. П. Хацкевич

Главный редактор:
П. А. Скредин

Ответственные редакторы:
А. Г. Владимирович,
Г. Г. Мартынов

Дизайн, вёрстка:
С. Ю. Прыгунков

При оформлении обложки
использованы фотографии
Э. Гордеева и Е. Кузнецова

Оригинал-макет и печать:
ООО «Диамант-Принт»

© Институт культурных программ
Полное или частичное
воспроизведение издания запрещено
без письменного разрешения
СПб ГБУДПО «Институт
культурных программ»

УЖЕДА

КОР БО СЛА ШОБ

АТ ШАЮ

СЕН

КИЕВ

СКО

ПОГОСТЬ

САА

НА

ВАНКА

ВОР

ІНГРИС

ЛІССІ

ЛА

РІА

УЖЕДА

ПОГОСТЬ

ПОГОСТЬ

ГРА

ОРАІН

СКО

ПОГОСТЬ

БОМЕР